

18+

ЕЛЕНА
ЧИСТЯКОВА

МРАЧНАЯ
ТИШИНА

Елена Чистякова

Мрачная тишина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305613

ISBN 9785449326317

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Алена влюбляется в самого обаятельного друга, и, на первый взгляд, его хулиганство и интриги – самая загадочная история однообразной провинциальной жизни. Вскоре она сталкивается с проблемой намного страшнее, чем несколько юных блондинок. Пара оказывается в центре борьбы за равновесие нашего и потусторонних миров. Алена не знает, на что он способен, что к ней чувствует. Не знает, выживет ли вообще и сможет ли обрести надежду на счастье в мире, который стремительно рушится.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	74
Глава 6	91
Глава 7	106
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Мрачная тишина

Елена Чистякова

© Елена Чистякова, 2025

ISBN 978-5-4493-2631-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я мчалась на велосипеде по пустым улицам нашего села, не замечая ничего вокруг. Всё внутри было наполнено бурей эмоций – от гнева, боли и чувства беспомощности. Небо затягивалось тяжёлыми серыми облаками, словно сама погода не могла решить, будет ли дождь или снег.

Март только начинался, и раскисшие дороги, покрытые грязью, к вечеру постепенно превращались в ледяные ловушки, которые уже начали трещать под колёсами. Мой велосипед с каждым оборотом отчаянно скользил вбок, заставляя меня с трудом держаться в седле. На приличной скорости я резко свернула к лесу и, теряя управление, попыталась затормозить, но этим только усугубила ситуацию на дороге. Увидев парня, который спокойно катил вперёд на своём скейте, не подозревая о надвигающейся аварии, я крикнула:

– Отходи!

Он обернулся, наши взгляды встретились, но времени на реакцию уже не было. В последнюю секунду я вывернула руль в сторону, надеясь избежать столкновения, но потеряла равновесие и оказалась в придорожных кустах. Страшная боль пронзила правую ногу, оставив ощущение огня под кожей.

Над головой прозвучал спокойный, но решительный голос:

– Эй, ты как?

Взглянув вверх, я увидела протянутую руку.

– Сильно ушиблась?

– Нормально, – пробормотала я, подав руку в ответ.

Но стоило мне его коснуться, как внутри меня словно вспыхнуло пламя – не просто жар, а нечто странное и незримое, что окутало меня целиком. В глазах на мгновение потемнело, а мир вокруг стал каким-то другим. В этот момент я почувствовала, как пространство вокруг меня будто затянуло туманное покрывало, а звуки стали приглушёнными.

Тем временем одним сильным, но мягким движением парень помог мне встать. Несколько секунд я стояла, не в силах понять, что произошло. Он окинул меня внимательным взглядом с каким-то лёгким удивлением.

– Тебе не досталось? – вежливо поинтересовалась я, наконец справившись со странными ощущениями.

Похоже, мой новый знакомый – из тех, кто всегда окружён вниманием воздыхательниц. Его манера держаться, немного сдержанная, но уверенная, выдавала, что он, похоже, всегда в центре событий.

– Ну, если честно... – парень немного задумался, посмотрев на свой смартфон последней модели, который валялся неподалёку.

Его дорогой телефон лежал на земле, и я вздохнула: если выяснится, что по моей вине он разбился, наверное, мне придётся поработать кем-то вроде добровольного раба

на несколько лет, чтобы возместить ущерб.

– Ты улетела на обочину прежде, чем между нами случилась авария.

– Не думала, что попаду на лёд, – пытаюсь оправдаться, я кивнула на замёрзшую лужу позади.

– Бывает, – слегка усмехнулся он. Его лицо почти не выражало эмоций, но взгляд был каким-то неуловимо мягким.

– Точно всё нормально? – спросила снова я, рассматривая дыру на своих джинсах. Кажется, нога цела, но сильно болит. Наверное, будет синяк.

– Ничего страшного, – отмахнулся он, подбирая свой телефон, и его пальцы ловко заскользили по экрану, оценивая ущерб.

– Прости ещё раз, – виновато произнесла я. Мой голос был полон той неловкости, которую трудно скрыть в подобных ситуациях. – Я тогда поеду?

– До встречи, – ответил он, но его взгляд всё ещё был прикован к экрану, словно пытаюсь понять, что с ним не так.

Я махнула рукой, села на велосипед и поехала дальше. Интересно, кто он такой? Мне он показался симпатичным, но рассматривать его толком не было времени. Его манера общения, уверенность в себе... Он не был как все местные парни, которых я знала. Его уверенность не выглядела напускной, но он словно из другого мира. Откуда он? Может, приехал к кому-то в гости? А вдруг та самая загадочная родня нашей директрисы всё-таки решила переехать в свой но-

вый дом?

Как только мы узнали, что ещё и её племянник – наш ровесник, и, скорей всего, будет учиться в нашем классе, то девчонки с энтузиазмом стали фантазировать, что вот-вот появится «парень мечты». Уже скоро заканчивать школу, а «парень мечты» так и не объявился.

В этих мыслях я свернула на проселочную дорогу, где под ногами похрустывал последний мартовский снег, перемешанный с мокрой землей. Воздух был прохладным, с характерной для ранней весны свежестью. Каждый шаг отзывался пульсирующей болью в ноге, и я невольно стиснула зубы, пытаясь не показать, как мне тяжело. Мой верный железный конь стал опорой – ухватившись за руль, я могла немного разгрузить пострадавшую ногу.

Прихрамывая, я медленно ковыляла вдоль ив. Их голые ветви создавали причудливые узоры на фоне пасмурного неба, а местами проступали первые признаки набухающих почек. На пригорках уже виднелись проталины, и земля, освободившаяся от снега, влажно блестела от талой воды.

Из головы никак не уходило воспоминание о том странном моменте, когда яркая вспышка жара накрыла меня. Это было очень странное чувство – словно невидимый огонь пробежал по венам, заставляя кровь закипеть. Я помнила, как потемнело в глазах, как мир на мгновение замер, а потом снова ожил, но уже по-другому. Что это было? Может быть, просто реакция на падение? Или что-то другое, более необъ-

яснимое?

С каждым шагом боль немного утихала, а вместе с ней уходило и напряжение. Вечерний воздух был наполнен ароматом пробуждающейся земли и влажной коры деревьев, он помогал успокоиться и привести мысли в порядок. Я продолжала идти, опираясь на велосипед, и постепенно странные ощущения сменялись обычной усталостью.

Вдалеке уже показались деревья, за которыми скрывалось моё тайное место у воды. Тёмные силуэты ив и ольхи создавали над головой причудливый шатёр, сквозь который не пробивалось ни единого луча закатного солнца – только серая пелена туч висела над головой. Я шла туда, где могла побыть наедине с собой и своими мыслями, пытаюсь разгадать тайну того странного момента, который, как мне казалось, был чем-то большим, чем просто случайность.

Немного пройдя вперёд, я проскользнула сквозь ветви и оказалась у воды. Раньше здесь был пляж, но теперь берег почти полностью зарос молодой порослью камыша. Озеро было большое: до другого берега самостоятельно доплыть невозможно. От села его отделяла идущая вдоль всего берега лесополоса, где среди первых зелёных побегов большую часть составляли высокие стройные сосны.

От прежнего пляжного великолепия осталась лишь одинокая скамейка, потемневшая от времени и непогоды. Чуть дальше по течению расположился новый пляж, но сюда люди ходить почти перестали. Даже те парочки, которые стреми-

лись к уединению, выбирали места, куда удобно подъехать на машине, а сюда автомобилю пути не было из-за разрастающихся вокруг деревьев. Благодаря этому у меня появилось тайное место, где можно побыть наедине с собой, чем я периодически пользовалась.

Начало темнеть, и первые звёзды робко показались на небе.

– Итак, это твоё тайное убежище для романтических свиданий или ты прячешься от всего мира? – спросил знакомый голос у меня за спиной.

Повернувшись в пол-оборота, я в недоумении уставилась на парня.

– Ты что, следил за мной?

– Как сказать, – он прислонил свой скейтборд к моему велику и подошёл поближе. – Ты в кустах потеряла кое-что своё.

Парень вытащил из кармана тёмных спортивных штанов мой телефон и протянул его мне. Я на автомате проверила карманы куртки, в которых тот должен был находиться – пусто.

– Там некая Маша очень хотела общения, – с ухмылкой сказал он, вручив мне в руки телефон.

Разблокировав аппарат, я увидела пять пропущенных от подруги. «Ну что ж, не судьба потрещать с ней», – пролетело у меня в мыслях. Сунув телефон обратно в карман, я вопросительно посмотрела на парня. Капюшон его толстов-

ки был поднят, из-за чего я не могла разглядеть его лицо.

Последовала неловкая пауза...

– Как тебя зовут? – спросил он, присаживаясь рядом со мной на скамейку.

– Даздраперма, – буркнула я первое, что пришло на ум.

Он наконец снял капюшон, прищурившись, посмотрел на меня с усмешкой.

– Ну, а меня тогда можно называть просто... Мой Господин. – Парень поджал губы, пряча улыбку, и добавил: – не ошибешься.

– Откуда ты? – спросила я с улыбкой, разглядывая парня. Однозначно, он не вписывался в местный колорит. Светловолосый красавчик. Слегка растрёпанные волосы несколько не портили стиля модной стрижки. Одежда известных фирменных брендов говорила о его хорошем вкусе и умении выглядеть стильно, но без лишнего пафоса.

– Не Данилов ли фамилия, у «Моего Господина»? – По слухам, именно такая фамилия была у семьи, чей дом уже заждался своих хозяев.

– Так ты тут просто сидишь? Или кого-то ждёшь? – мой вопрос был пропущен мимо ушей.

– Это неважно, – я вытянула перед собой ноги и взглянула на свои простенькие кеды.

– Что у тебя случилось? – поинтересовался мой новый знакомый, присаживаясь рядом на скамейку.

– Что у тебя случилось? – поинтересовался мой знакомый,

присаживаясь рядом на скамейку.

– С чего ты решил, что у меня что-то случилось? – я удивлённо перевела взгляд на его лицо, пытаюсь скрыть свои эмоции.

– В такое время никто не гоняет на велике по гололёду. У тебя был вид, будто ты убегаешь от чего-то. А теперь сидишь здесь одна. Это заставляет задуматься... – его голос звучал заботливо.

– Всё хорошо, – отмахнулась я, глядя на тёмную гладь озера.

– Парень бросил? – продолжил он допрос.

– Я слишком своеобразная для большинства парней, – вырвалось у меня. Я тут же прикусила язык, пытаюсь скрыть неловкость. Или он хороший психолог, или я хотела, чтобы он знал, что у меня нет парня. Наверное, первое.

– По-моему, ты очаровательна, – в его голосе слышалось тепло.

– Мы мало знакомы, – улыбнулась я, чувствуя, как жар разливается по щекам. – Ты меня ещё днём взъерошенной не видел. В сумерках всё выглядит иначе, – добавила я, стараясь не выдать смущение.

– Более чем уверен, что при дневном свете ты ещё лучше, – с уверенностью сказал парень. – Они глупцы, если думают иначе, – добавил он немного погодя.

Я сжала губы, сдерживая улыбку.

– Ну, а серьёзно, что случилось? Порой нужно выгово-

риться, а незнакомым людям проще доверить свою печаль. Возможно, мы никогда больше не встретимся, – он слегка наклонился, показывая заинтересованность.

– Сложный выдался вечер, – пожала я плечами, не отрывая взгляд от воды. – Ничего серьёзного.

– Ну, если что, я всегда готов тебя развеселить, – неприступно заявил парень.

– Ты же говорил, что мы больше не встретимся, – напомнила я, приподняв бровь, и посмотрела на него.

– Ах да, забыл, – мой приятель покачал головой, и между нами снова воцарилась тишина. Он достал телефон, будто проверяя время, но тут же убрал его обратно в карман.

– Тебе очень идёт улыбка. Делай это чаще, – вдруг произнёс он.

– Оу, – я повернулась к нему, скрещивая руки на груди. – Ты подкатываешь ко мне?

– Даже не думал. Просто у тебя особенная улыбка, – пояснил он, слегка пожав плечами.

Снова молчание...

– А если бы я к тебе подкатывал, то сейчас мы бы уже целовались, – произнёс он с лёгкой ухмылкой.

– Наивный! – я вылупилась на него с недоумением. – Ты думаешь, я купилась бы на пару заезженных комплиментов?

– Это ты наивная, – рассмеялся он, запрокинув голову. – Я ведь тебе нравлюсь, признайся, – добавил он, посмотрев на меня.

– Да откуда ты взялся на мою голову! – воскликнула я с наигранным возмущением, закатив глаза.

– С луны, наверное, кто ж его разберёт, – улыбаясь, пояснил он.

Я рассмеялась и покачала головой, чувствуя, как напряжение постепенно уходит. Начинался вечер прескверно, а теперь я сидела тут, чувствуя, как улыбка сама собой появляется на лице.

– А вообще, я надеюсь, что у тебя умер котёнок, и поэтому ты таким образом убегала от реальности, – он вмиг стал серьёзным.

– Ну ты и живодёр..., – пробормотала я.

– Нет. Я считаю, что люди не должны быть причиной отчаяния. Если есть такие, то от них нужно абстрагироваться, – от веселья на его лице не осталось и следа, он говорил медленно, словно взвешивая каждое слово.

– Это всё относительно, – я пожала плечами, стараясь выглядеть непринуждённо. Надеюсь, это выглядело мило, а не как судорога эпилептика.

– Почему? – спросил он, снова наклоняясь ко мне.

– Потому что слёзы могут быть от боли утраты, – пояснила я, глядя на свои руки. – Или есть моменты, когда ты физически не можешь отстраниться от людей. Что тогда?

– Всё временно. Надо просто переждать, – произнёс парень философски. Он поправил скейтборд рядом со скамейкой и добавил: – Хочешь, котёнка подарю?

– Я не буду по нему плакать, – поняла я, к чему он клонит.

– Неожиданно! Я думал, что все девушки любят котиков, – в его голосе были нотки удивления.

– Ну значит, не все.

После этой фразы я невольно повернулась к нему, забыв о своём намерении избегать его взгляда. Парень внимательно разглядывал меня, словно пытаюсь разгадать какую-то тайну. Наши глаза встретились, и на мгновение всё вокруг замерло. Я тут же опустила взор, чувствуя, как жар приливает к щекам, и случайно задержалась взглядом на его губах. Мысль о поцелуе промелькнула в сознании, заставляя сердце биться чаще. Ну не дура ли?

– Как твоя нога? – тихо спросил он, его голос звучал почти нежно.

Мы сидели так близко, что я ощущала тепло, исходящее от него. Я даже не заметила, как он придвинулся. Но от этого становилось спокойнее и уютнее.

– Н-не знаю, – запнулась я, пытаюсь справиться с волнением.

– Надеюсь, твоя нога в порядке, – он неожиданно легонько щёлкнул пальцем по моему лбу и тут же отстранился, озорно улыбнувшись. – И не говори, что я не обаяшка!

– Эй, без рукоприкладства, – смутилась я, но от этого жеста в груди разлилось приятное тепло, а губы сами собой растянулись в глупую улыбку. Он прав, если бы он захотел, мы бы уже поцеловались. И, что уж там говорить, я была бы

не против.

– Поздно уже, – улыбнулся он, глядя на темнеющее небо. – Сможешь сама доехать?

– Сегодня смогу, – ответила я, стараясь скрыть волнение в голосе. – В крови бушует адреналин, так что нога не так уж и сильно болит.

Я медленно поднялась со скамейки, чувствуя, как ноющая боль напоминает о себе, и поплелась к своему велосипеду, ощущая его взгляд на своей спине.

На том злополучном перекрёстке наши пути разошлись – он поехал в одну сторону, я в другую.

Дома все уже спали, свет был погашен везде. Я тихонько прокралась в свою комнату, стараясь не разбудить никого. По крайней мере, на сегодня конфликт исчерпан. Как только моя голова коснулась подушки, усталость взяла своё, и я мгновенно погрузилась в глубокий сон.

Глава 2

Я резко подскочила на кровати, ошарашенно вглядываясь в темноту, поглотившую всю комнату. В воздухе витало странное ощущение – словно что-то незримое, но могущественное наблюдало за мной. Сердце в груди бешено стучало, отдаваясь в висках, и я почувствовала, как пот стекает холодными каплями. Приснится же такое... Странная девушка пыталась меня убить. Я всё ещё ощущала её взгляд, полный холодного расчёта, словно она была не частью сна, а кем-то, кто находится прямо здесь, рядом.

Включив бра над кроватью, я спешно осмотрела свои запястья – именно их она мне перерезала во сне. Мои руки были целы. Всё в порядке. Но почему-то я всё ещё ощущала этот холодный, металлический, пронизывающий след на коже. Это самый реалистичный сон из всех, которые когда-либо мне снились. Я сжала руки в кулаки и с удивлением заметила, что они слегка дрожат. Лучше бы тот парень приснился! Но я даже не знаю, как его зовут... Надо было не вредничать, а познакомиться с ним.

Потерев руки, я укуталась в одеяло, пытаюсь успокоиться. Но что-то не давало мне покоя. В голове мелькали образы того кошмара, словно они не отпускали меня, стремясь вернуться. Я закрыла глаза, пытаюсь забыться, но сразу же погружилась в ту же реальность. В последний раз невыносимая

боль распространилась не только на запястья, но и по всему телу. Вынырнув из сновидения на доли секунды, мне показалось, под моей кожей мерцал какой-то неясный свет. Решив не испытывать судьбу, я просто достала книгу и начала читать, пытаясь отвлечься, пока не наступит утро.

Раньше, чем обычно, я начала собираться в школу. На ноге появился огромный синяк, и она немного ныла от боли. Завтракать мне хотелось в одиночестве; успеть поесть до того, как на кухню зайдёт эта стерва.

– Доброе утро, Алёнка, – появился папа, зевая. Я кивнула головой, не отрываясь от всё той же книги, что скрасила мне прошедшую ночь. Но украдкой поглядывая на него. Он поставил чайник и достал свою любимую чашку, после чего сделал чай и сел рядом.

– Алён, – начал отец, – почему ты так болезненно реагируешь на то, что она орёт? Поругается и перестанет. Она же безобидная, просто скандалить любит.

Я оторвалась от книги и возмущённо взглянула на него.

– Пап, она всё время унижает маму! Она ничего не знает о проблемах мамы и не смеет её осуждать! – гневно проговорила я.

Папа вздохнул, потирая переносицу.

– Не обращай на это внимания, – с просьбой в голосе проговорил он.

– Я могу не обращать внимания, когда она пытается задеть меня. Но маму не позволю трогать! – я вскочила с места,

сжимая книгу в руках. – Одна я была рядом, когда ей было плохо, но ничем не смогла ей помочь. Никто не пришёл ей на помощь. Зато теперь каждый берётся осуждать её, что она алкоголичка!

Папа встал, подошёл ко мне и положил руку на плечо.

– Я скажу, чтобы она не трогала маму.

– Спасибо! – я резко выдернула плечо из-под его руки. –

Почему ты не нашёл себе нормальную жену?

Папа в ответ только пожал плечами, отводя взгляд.

– Я очень тебя люблю, – произнёс он с нежностью, обнимая меня.

– Ага, – сухо ответила я, отступая на шаг.

– Держи себя в руках, – попросил он, задержав меня за плечи, заглянул в глаза. – Ты же у меня умница.

– Постараюсь, – я специально добавила в голос столько дерзости и вызова, сколько могла, но папа, кажется, не обратил на это внимания. Или сделал вид.

– Ты у Максима вчера была? – поинтересовался он как ни в чём не бывало, возвращаясь к своему чаю. – Тебя долго не было. Вечером Маша звонила, спрашивая, где ты.

– Пап, мы с ним уже давно не дружим, как в детстве. Просто каталась на велике, – ответила я.

– А потом мне рассказывают в красках, как ты развлекаешься за качегаркой с мальчишками, – с этими словами зашла на кухню и она, смерив меня раздраженным взглядом. Она небрежно бросила:

– Иди, переплетись, а то, как лахудра, в школу пойдёшь.

Я, закатив глаза, развернулась к ней, собираясь грубо ответить, но моё внимание перехватила причёска. После химической завивки и осветления вместо волос на голове у неё было что-то вроде копны сена. Красавица! Подавив смешок, я решила, что лучше не связываться и поспешить в свою комнату.

– Не забудь за собой чашку вымыть, – крикнула она вслед с презрением, демонстративно вытирая стол. – Ещё не хватало убирать за тобой!

С расчёской в руке я подошла к зеркалу, в котором на меня смотрело милое, но невесёлое лицо. Утреннее солнце мягко падало на моё отражение, создавая загадочную атмосферу. Карие глаза, обычно блестящие, теперь потускнели, а под ними залегли тени – следы непростой ночи.

Мои каштановые волосы, собранные в небрежный хвост, растрепались. Несколько прядей выбились и падали на лицо, создавая естественный беспорядок. Поджав губы, я рассматривала своё отражение, размышляя, как вернуть свежесть и энергию.

Может, сделать лёгкий макияж? Я потянулась за косметичкой, но тут же раздался громкий телефонный звонок! С трудом отыскав телефон среди беспорядка на столе, я приняла вызов.

– Алёнка, зайка, прости меня, – раздался сонный голос

подруги. Закатив глаза, я приготовилась выслушать её очередную безумную идею. – Только проснулась... Зайди, пожалуйста, за мной!

– Ты проспала, а получать будем вместе, – тяжело вздохнула я, глядя на часы. Стрелки неумолимо приближались к началу урока. – До звонка десять минут осталось.

– Ну, не ворчи, зайчонок, – заканючила она, словно маленькая девочка. – Зайди, пожалуйста! Я уже успею собраться к твоему приходу.

– Если сегодня придётся писать объяснительную, я тебя убью! – мои слова звучали грозно, но с ноткой снисхождения. – Не могла завтра проспать? Римма нас на флаг порвёт!

– Всё, давай, жду тебя, – быстро закончила вызов подруга, не оставив мне шанса на возражения.

Вот почему так всегда: косячит она, а отдуваться приходится нам обеим? Вздохнув, я быстро переделась в белоснежную рубашку и классические чёрные брюки, мысленно готовясь к марафону.

Через десять минут мы уже бежали в школу, и каждый шаг отдавался пульсирующей болью в моей травмированной ноге.

– Прикинь, сегодня расчленённую собаку на остановке нашли, – обернулась ко мне на бегу подруга. Её голос звучал почти буднично. – И вся остановка какими-то иероглифами была исписана.

– Маня, скоро мои останки там найдут, если ты пару раз

ещё проспишь! – возмутилась я, стараясь не отставать.

– Я не виновата, что забыла будильник включить, – отмахнулась она, словно это была сущая ерунда.

– Как можно забыть включить будильник?! – почти кричала я от возмущения.

– Мы с Антоном переписывались, и как-то было не до этого! – остановилась она отдышаться, её серые глаза смотрели с обезоруживающим спокойствием. – Ой, да ладно, опоздаем минут на пять, что такого... Не вредничай!

– Хм, не знала, что вы общаетесь, – заметив школу, я ускорила шаг.

Холодным мартовским утром здание школы выглядело особенно угрюмо. Облака быстро затянули небо плотной завесой, скрыв солнечные лучи. Серый снег вперемешку с грязью создавал унылый пейзаж, а вокруг не было ни души – уроки уже начались.

– Он вчера первый написал, – продолжила Маша, словно ничего не произошло. – Прикинь, и ни капли крови в ней не было...

– В ком? – остановилась я, пытаюсь уследить за её скачущими мыслями. – Как можно так резко менять тему?!

Подруга пожала плечами:

– В собаке, которую нашли на остановке, – напомнила Маша.

– Ай, психов сейчас хватает, – буркнула я. – Ну что, на финишную прямую?

У зеркала Маша резко остановилась и начала рассматривать причёску, небрежно поправив выбившиеся пряди.

– Ты в своём уме? – зашипела я, нервно поглядывая на часы в холле. – Мы на историю опаздываем!

– Даже если Луна начнёт падать на Землю, я должна быть красивой, – спокойно ответила подруга, доставая расчёску с перламутровой ручкой. Маша была выше меня на голову, и фигура у неё была куда женственней – тонкая талия, плавные линии плеч, которые она умело подчёркивала нарядами, не нарушающими школьный дресс-код.

Закончив расчёсывать длинные чёрные волосы, она достала блеск для губ и выставила кукольные губы, чтобы нанести его. Затем протянула блеск мне, и я сделала то же самое, демонстративно её пародируя.

– Ты слышала? Родня Людочки вчера всё-таки переехала. Ждём племянника в ближайшие дни... Интересно, какой он... – задумчиво проговорила Маша, разглядывая своё отражение.

В моей голове возник образ вчерашнего незнакомца. «Неужели он и есть тот самый племянник?»

– Если это тот, о ком я думаю, ты будешь удивлена, – я протянула Маше блеск, стараясь сдержать усмешку.

– Ты его видела? – оживилась подруга, поворачиваясь ко мне всем корпусом.

– Пошли уже на историю! – пришлось схватить её за руку и потащить к кабинету, чувствуя, как рюкзак бьётся о спи-

ну. – Нас четвертуют сейчас!

– Какой он? – настаивала Мария, едва поспевая за мной по коридору.

– Носит очки с толстыми линзами, ростом не выше 160 сантиметров, полный. А, и всё лицо в прыщах! – выпалила я, стучась в дверь кабинета.

– Скажи, что ты пошутила, – застонала подруга, хватаясь за сердце.

– Римма Максимовна, можно? – я осторожно заглянула в класс, где уже сидели одноклассники.

– В следующий раз не пущу! – проворчала учительница, не поднимая глаз от журнала, который методично заполняла.

Мы вошли в класс, стараясь не привлекать лишнего внимания, но несколько пар любопытных глаз всё же проследили за нашим появлением. Маша бросила на меня выразительный взгляд, явно намекая, что история с племянником директрисы требует дальнейшего обсуждения, но уже после урока.

– Вы должны написать объяснительную записку директору, – напомнила она.

Я с укором бросила взгляд на подругу, та только виновато пожала плечами. За последний месяц уже четвёртая объяснительная, а ещё только начало марта. Какая она по счёту за весь учебный год?! Хотя мы с Машей были одними из лучших учениц в классе, а я, к тому же, староста. Но при этом я регулярно стою на линейках и получаю выговоры

на глазах у всей школы. Такое ощущение, что все следят за мной и каждую секунду ждут, когда же я «напортачу», словно остальных учеников не существует.

Я села на своё место – за привычную последнюю парту. Раньше мы с подружкой сидели вместе, но потом нас рассадил в разные ряды. Классный руководитель сказала, что они так решили на педсовете, чтобы у нас не списывали отстающие ученики. Но мы всё равно умудрялись. Это же мы!

В уме я стала прикидывать, что писать в объяснительной записке: «Опоздала на урок, потому что Маша проспала. Она просто забыла включить будильник...» Мысль о том, что придётся писать очередную дурацкую записку, заставила меня поморщиться.

Я перевела взгляд на унылый пейзаж за окном. Везде был серый снег. Деревья, ещё полностью не оправившиеся от зимней спячки, тянули к небу свои ветви, словно моля о тепле, создавая этим гнетущую атмосферу. Сама собой в голове всплыла мрачная новость об убитой собаке. Бедное животное. И какой же псих убил её? Зачем расчленил? Ещё что-то и написал... Как можно додуматься до такого?! А если это тот парень?..

Разглядывая невесёлый пейзаж за окном, я увидела силуэт, одиноко стоящий в самой глубине берёзовой рощи, которая красовалась напротив наших окон. Он был неподвижен, как каменная статуя, и смотрел прямо. В его фигуре было что-то странное, неуловимо зловещее. Я наклонилась ближе

к окну, пытаясь разглядеть его черты, но мне показалось, что его глаза были... не совсем человеческими. От этого пробежали мурашки по спине. Было что-то в этом человеке, что заставляло ощущать: он не просто стоит, он наблюдает и чего-то ждёт.

Тем временем в класс кто-то вошёл, все одноклассники дружно встали. Не задумываясь и не глядя, кого приветствуют, встала и я, не отрывая взгляд от странного человека за окном.

– Садитесь, – проговорила Людмила Викторовна и пропела совсем другим тоном: – Никита, выбирай себе место.

Я оторвалась от фигуры, маячившей в роще за окном, и посмотрела на директора. Рядом стоял он – мой вчерашний знакомый. И тоже смотрел в окно, нахмурившись. Какой он всё-таки классный! При дневном свете он выглядел ещё красивей, чем вчера. Несмотря на строгий школьный дресс-код (белый верх, чёрный низ), парень был в серых джинсах, серой футболке и белых кедах. На плече он небрежно держал лямку от рюкзака. Мой взгляд споткнулся о рисунок на его футболке: это был персонаж из популярного мультсериала о жёлтых человечках, который развалился на надувном кругу, поедая пончик.

– Никита, – позвала его Людмила Викторовна. – Присаживайся.

Он оторвал взгляд от окна. В этот момент ко мне прилетел скомканный клочок бумаги, который я быстро развернула.

«Это тот самый толстый ботан в очках?!» – даже через бумагу я услышала возмущённый голос подруги в голове.

Улыбнувшись, я метнула взгляд на подругу и шёпотом произнесла:

– Именно!

– Девочки, – строго обратилась к нам Людмила Викторовна, – на уроках нужно учиться, а вы чем занимаетесь?

Всё внимание класса переключилось на меня, а точнее, на записку в моей руке. Быстро спрятав её в кулаке, я почувствовала, что краснею. Конечно, не от всеобщего внимания класса, а от того, что Никита обратил на меня внимание и улыбнулся. Судя по всему, он меня узнал, поэтому направился к нашему ряду. В этот момент наши взгляды встретились. Сдержать довольную улыбку у меня не вышло, поэтому пришлось срочно отводить взгляд куда-то в сторону. Я снова взглянула в окно: в роще уже никого не было. Вот только появилось тревожное чувство, что это не последний раз, когда я вижу его.

Никита тем временем подошёл к свободному месту рядом со мной и спросил:

– Можно здесь сесть?

Я быстро кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Он сел рядом, и я уловила аромат его парфюма – лёгкие нотки свежести.

– Ну что, «мир, труд, май», – по-дружески, как давней знакомой, сказал он. Я повернулась к нему, подперев щеку ку-

лаком. – Пришло время раскрыть свою личность. Как твоё имя, мисс загадочность?

Никита прищурился и добавил:

– Только давай без революционного пафоса. Узнать о тебе всё, что нужно – дело времени.

– Ты не оставляешь шансов пококетничать, – я с трудом сдерживала улыбку. – Волкова Алёна, приятно познакомиться ещё раз.

– Мне тоже. Красивое имя, – серьёзно ответил он.

– Эм-м-м, чисто из любопытства, ты всем девушкам это говоришь? – я вопросительно приподняла бровь.

– Нет, только тем, кто мне нравится, – снова улыбнулся Никита.

– Не надо льстить!

– Привет! Не помешаю вашему флирту? Если что, меня зовут Максим, – повернувшись с передней парты, влез в разговор мой старый друг. Ну, конечно, блин, помешаешь! Видимо, друг понял это и подмигнул мне, улыбнувшись своей доброй улыбкой.

– Макс, мы не флиртуем, – с напущенной серьёзностью отозвалась я.

– Да ладно! – посмотрел на меня с негодованием Никита. – Я-то думал, что у нас флирт.

– Нет, – ответ выдал моё неожиданное смущение.

Видя это, он заулыбался ещё шире.

– Это мы так прикалываемся, – перевёл Никита взгляд

на Максима.

– А я – Катя! – представилась одноклассница, дождавшись, когда можно будет вставить свои «пять копеек».

– Так, что за веселье?! – одёрнула нас Людмила Викторовна, до этого стоявшая с Риммой Максимовной, а теперь грозно взглянувшая на Катьку.

– Извините, Людмила Викторовна, – пробормотала Катя.

Мы притихли, а Максим с Катькой отвернулись. Директриса покачала головой и вернулась к разговору с учительницей. Никита достал из рюкзака учебник и стал листать его, чтобы открыть нужную страницу. Я украдкой поглядывала на него. Наконец-то разглядела цвет его глаз. Оказывается, они серо-голубые. Очень редкий оттенок – с бирюзой. Надеюсь, он не имеет никакого отношения к той собаке на остановке. Иначе это будет самое главное разочарование в моей жизни.

Людмила Викторовна сделала парочку бесполезных объявлений и вскоре вышла. Римма Максимовна продолжила урок, однако её никто не слушал. Внимание одноклассников было обращено к новенькому.

– Обещал, что больше не встретимся, – шепнула я, косясь на Римму Максимовну. Её суровый взгляд, как всегда, был устремлён на доску, но я знала – любая попытка заговорить будет замечена.

– Блефовал, – ответил Никита, едва заметно усмехнувшись. – Каждый день теперь будем видеться.

– Не каждый день, – поправила я, невольно улыбаясь.

– Прогуливать любишь? – прищурился он, наклоняясь ко мне поближе.

– Нет, я ответственная девушка, – я качнула головой. – На выходных где будем встречаться? В школе или на нейтральной территории?

– То я к тебе в гости зайду, то ты ко мне, – он пожал плечами. – Как карта ляжет.

– А вечерами уроки делаем вместе? – поинтересовалась я, понизив голос до шёпота.

– Согласен! – подхватил он. – Так как сегодня вечером? Я – к тебе, или ты – ко мне?

– Даже не знаю, что сказать! – покачала я головой, чувствуя, как щёки предательски краснеют от его наглости.

– Расслабься, – улыбнулся он, но тут же посерьёзnel. – Лучше скажи, как твоя нога?

– Нормально, – отмахнулась я, поправляя тетрадь.

– Слушай, а что за движуха после уроков намечается? – его голос стал заговорщическим.

– Квест, – шепнула я, украдкой поглядывая на Римму Максимовну.

– Какой развёрнутый ответ, – наклонил он голову набок, приподнимая бровь.

– Никита, – не выдержала Римма Максимовна, резко оборачиваясь к нам. – Тебя что-то интересует?

Её вопрос явно подразумевал: «Немедленно замолчи!»

Но Никита, казалось, не заметил её раздражения.

– Интересует, – ответил он, откинувшись на спинку стула и одарив учительницу обворожительной улыбкой.

– Что же? – Римма Максимовна слегка растерялась от его наглости. Обычно ученики боялись даже дышать в её присутствии.

– Что за «квест» намечается? У нас в школе такого не было. Получается, я с корабля на бал попал, – пояснил он, небрежно поигрывая ручкой.

– Ну, это игра между десятым и одиннадцатым классами, – начала объяснять Римма Максимовна, смягчаясь. – По школе размещаются задания, а игрокам нужно их найти и выполнить за отведённое время. Чем больше заданий ваша команда найдёт и выполнит, тем больше у вас шансов на выигрыш.

– И всего-то? – приподнял бровь Никита, явно не впечатлённый.

– Вообще-то, это очень сложно, – вмешался Максим.

Ну, куда же без него? Вечно пытается поддержать разговор, чтобы урок быстрее пролетел.

– Если мы столкнёмся с соперниками на локации, задание не засчитывается, – продолжал Максим, воодушевляясь. – И у нас сильный соперник. Они в том году выиграли всухую. У нас нет шансов.

– Это потому, что они выиграли в прошлом году? – усмехнулся скептически Никита.

– Они сильные, – вмешалась я, чувствуя, как внутри просыпается азарт. – Ты просто не в курсе, что за игра была в прошлом году.

– Ну, а в этом году выиграем мы, – заявил Никита.

Самоуверенный... или просто уверенный в своих силах?

– Так, ребята, давайте после урока обсудите игру, – оборвала нас Римма Максимовна, посмотрев на часы. Её голос звучал уже строже. – Пятнадцать минут урока осталось!

После урока всё внимание было сосредоточено на Никите. С ума сойти! Первый день в школе, а вокруг него толпы людей, жаждущих общения. К моему удивлению, он оказался общительным, без всяких предрассудков. Разговоры с ним шли легко, как вчера вечером на берегу озера!

Антон, всегда державшийся в центре внимания, заметно приуныл. Его самолюбие явно пострадало – впервые за долгое время кто-то сумел затмить его популярность. За обедом он даже подсел к нам с Машей, болтая о пустяках. Для меня это было особенно странным – обычно я оставалась за пределами его круга общения.

Антон, несмотря на смазливую внешность – смуглую кожу и характерный треугольник из родинок на левой щеке – в общении был довольно неприятным. Я никогда не понимала, что Маша и другие девчонки находят в нём такого привлекательного. Возможно, дело в его самоуверенной улыбке или небрежной манере держаться? К счастью, должность старосты пока спасала меня от его насмешек – при желании

я могла бы создать ему немало проблем.

Маша же буквально парила от счастья, не замечая очевидной подоплёки такого внезапного внимания. Она была влюблена в Антона уже больше года, и теперь предмет её воздыханий сидел за одним столом с ней.

После уроков наш класс собрался в кабинете алгебры и геометрии, нетерпеливо поглядывая на часы. В три часа мне предстояло отправиться в учительскую за картами и подсказками к игре. Это был наш дебют, но особого энтузиазма не наблюдалось – прошлогодний провал одиннадцатиклассников против десятиклассников всё ещё обсуждался, и мы привыкли считать, что у нас нет шансов на победу.

Стремление к победе так и не проснулось в моих одноклассниках. Кто-то увлечённо наносил макияж, другие обсуждали новенького, а некоторые просто сидели, как я, дожидаясь возможности сбежать домой. Я облокотилась на учительский стол, скучаяще наблюдая за происходящим. За окном виднелся школьный двор, где несколько учеников курили, прячась за углом здания. Время тянулось непривычно медленно.

– Алён, – ко мне подошли Маша и Оля, их взгляды были полны любопытства. Маша явно старалась скрыть своё нетерпение.

– Как получилось, что вы познакомились раньше? – спросила Оля, переглянувшись с Машей.

– Вчера вечером я его чуть не сбила на велике, – пожалала

я плечами, стараясь не выдать своего раздражения.

– Как это похоже на тебя! – рассмеялась Маша, а затем, понизив голос, попросила: – Не хочешь поменяться с Ольгой местами?

– Мне всё равно, – равнодушно ответила я, удивляясь её настойчивости. Оля, самовлюблённая красотка с огромными глазами, всегда умела использовать свою естественную красоту, чтобы добиваться желаемого.

– Спасибо, Алёнка! – радостно пропела Оля, её голос звенел от восторга. Маша, настоящий стратег, ловко использовала ситуацию, чтобы избавиться от соперницы. Антон всегда проявлял больше интереса к Ольге, чем к Маше. А тут у него нет шансов.

– Он такой классный! – Ольга повернулась к Маше, её глаза сияли.

О, Боже! Неужели они не могут обсуждать это не рядом со мной! Закрыв лицо руками, я попыталась не слушать их болтовню.

Внезапно меня как будто заклинило – я вскочила и почти бегом унеслась из класса. От этих амурных планов голова шла кругом. Но не успела я выйти: в дверях столкнулась с Никитой. Он держал в руках большой белый конверт, на котором чёрным маркером было что-то написано – похоже, задание для нашей команды.

– Я забрал, – сказал он, помахав конвертом.

– Я не просила. Это моя обязанность, – пробормотала я

недовольно.

– Для тебя это так важно? – удивился он, приподняв бровь.

– Нет, – покачала я головой, пытаюсь скрыть свои истинные чувства. – Но староста – я! И тебе не должны были отдавать конверт. Как ты его получил?

– Я же племянник директора, – прозрачно намекнул он. – У меня тут некоторые привилегии.

– Эй, вы там долго будете стоять? – перебила наш диалог Маша, её голос звучал нетерпеливо. – Время работает не на нас!

– Хорошо, – Никита направился к учительскому столу, я последовала за ним. Открыв конверт, он быстро пробежал взглядом по загадкам.

– Слушайте внимательно! – скомандовал он, его голос внезапно стал серьёзным и уверенным.

Я открыла рот, чтобы возразить, но, увидев, как оживились одноклассники, передумала. А что, если он сможет нас объединить, и мы выиграем? Ребята окружили стол, их глаза горели азартом.

Никита раздал каждому карты.

– У нас одиннадцать локаций и двадцать один человек, – начал он, его голос звучал уверенно и чётко. – Нужно разбиться по парам, а потом взять одну локацию, которую знаете лучше всего. И не забывайте, что нам нельзя попадаться противникам.

Его слова словно пробудили в классе новую энергию – все зашумели, обсуждая стратегию и составляя пары. Я невольно восхитилась тем, как легко он смог сплотить класс, превратив нас из разрозненной группы в единую команду.

Из всех локаций мне достался актовый зал – место, которое я знала как свои пять пальцев благодаря многочасовым занятиям на фортепиано. Изначально в пару ко мне должна была попасть Маша, но она предпочла объединиться с Антоном для поиска в кабинете истории и обществознания. Никита без возражений согласился работать с Ольгой в кабинете домоводства. А я осталась без напарника, что, впрочем, меня не расстроило – по крайней мере, не придётся слушать бесконечные разговоры о Никите.

Пока все разбрелись по своим локациям, я осталась заполнять отчёты о распределении команд. Бюрократической работы оказалось больше, чем ожидалось, и к началу игры я так и не успела приступить. Неудивительно, если именно моя локация подведёт команду.

Закончив с бумагами, я направилась к лестнице правого крыла школы. На своём пути я никого не встретила, но стоило сделать первый шаг на лестницу... Как в тот же миг словно из ниоткуда появились противники – две девочки с другого класса. Они весело болтали, спускаясь со второго этажа. Видимо, только что побывали в актовом зале – единственной значимой локации на этом этаже, кроме библиотеки, которая, к счастью, в игре не участвовала.

Я замерла, парализованная страхом – ещё секунда, и меня обнаружат, а вместе с этим полетит к чертям моё задание. Одноклассники точно не простят такой провал!

Внезапно я почувствовала резкий толчок назад, и в следующее мгновение Никита уже прижимал меня к стене под лестницей, беззвучно призывая к тишине. Но даже если бы можно было говорить, я бы не смогла выдать ни слова. Ноги предательски ослабели, и только его крепкие руки, державшие меня за плечи, не давали рухнуть на пол.

Жаркая волна накрыла всё тело, воздух закончился в лёгких, а сердце забилося где-то в горле. За последние сутки рядом с этим парнем я пережила такой вихрь ярких, головокружительных эмоций, какого никогда раньше не испытывала. И это пугало больше всего – словно я теряла контроль над собой каждый раз, когда он оказывался рядом.

– Эти жулики воруют наши задания с общих локаций, – прошептал он напряжённым голосом.

– Откуда ты знаешь? – с запинкой спросила я.

– У нас из-под носа увели задание. Оба конверта забрали. Увидев тебя, решил помочь хотя бы тебе, – Никита слегка отстранился и оглянулся, его взгляд был острым и внимательным. Потом снова посмотрел мне в лицо, и вроде невинно, но явно с лёгкой насмешкой спросил:

– А чего ты покраснела?

По его взгляду было заметно – парень знал, почему я покраснела. Щеки у меня и в самом деле горели. Я смотрела

мимо него, пытаюсь справиться с эмоциями. Разговор соперниц стих – значит, они уже прошли мимо, не заметив нас. Но Никита не спешил меня отпускать.

– Не отбирай у меня статус старосты класса. Понимая, что тебе это ничего не стоит, – произнесла я как можно тверже, стараясь не выдать своего волнения. Его глаза задорно искрились. – Я очень долго к этому шла!

– Кнопка, – его палец легко щёлкнул меня по лбу. – Ты такая прикольная!

Никита улыбнулся и, взяв меня за руку, потащил к лестнице. Его прикосновение заставило моё сердце биться чаще.

– Не переживай, мне это не нужно.

– А чего тогда раскомандовался? – очень приятно было идти с ним за руку, но я старалась не показывать этого.

– Вошёл в азарт! – повернулся он ко мне. – Позволишь сегодня покомандовать, чтобы выиграть?

– Но только сегодня! – сказала я как можно строже, пытаюсь сохранить остатки достоинства. Никита в ответ только усмехнулся.

Мы пришли к актовому залу. И только он отпустил мою руку, его лицо мгновенно стало серьёзным, словно переключился какой-то внутренний тумблер.

– Постарайся найти задание.

– Хорошо, – я вошла в помещение и принялась осматривать стулья, стараясь не выдать своего волнения. – А почему для тебя это так важно?

– Очень не люблю проигрывать, – он осматривал второй ряд стульев, – И очень не люблю нечестных соперников.

– А я-то думала, что решил войти в историю школы как ученик, в первый день учёбы выигравший главный приз года, – заметила я.

Я закончила осматривать ряд и пробежала глазами по залу, мысленно стала предполагать, где могло быть наше задание.

– Не без этого, конечно! – усмехнулся он, подходя к подоконнику.

– Опытный стратег в деле, – пошутила я, пытаюсь сконцентрироваться на поиске.

Воцарилось молчание. Я попыталась сосредоточиться. Судя по разговору девочек, когда они спускались, было ясно, что они ничего не нашли. Я тоже всё осмотрела безрезультатно.

– Не знаю, где оно может быть! – сдавшись, я объявила об этом на весь зал, но Никита меня не слушал. Он увлечённо что-то рассматривал на подоконнике, выводя пальцем на нём невидимые знаки. Я подошла к краю сцены и заглянула через его плечо, но, кроме белоснежного подоконника, там ничего не было.

– Что ты там нашёл?

– Что это за символы? – спросил он задумчивым голосом.

– Ты о чём? – я недоверчиво взглянула на подоконник. – Должны быть конверты, а не символы.

Никита повернулся ко мне, его взгляд был напряжённым.

– Ты их не видишь? – нахмурился он.

– Нет, – протянула я в ответ, внимательней разглядывая парня. – Кроме белого подоконника, там ничего нет. Это касается нашей игры?

– Странно, – произнёс Никита, доставая из кармана джинсов телефон.

Направив камеру на подоконник, он принялся фотографировать гладкую поверхность. В глаза бросился разбитый, покрытый трещинами экран – последствия вчерашнего падения?

– Сначала тот мужик, потом эти символы. Куда я попал? – бубнил он себе под нос обеспокоенным голосом.

Неужели он тоже видел ту странную фигуру в роще?

– Что в нём было странного? – выпалила я нетерпеливо, не в силах сдержать любопытство.

– Ты о ком? – спрятав телефон в кармане, он перевёл на меня взгляд. Его глаза были непроницаемыми.

– Ни о ком, – отмахнулась я, отступая от края сцены. – Не могу найти конверты.

– А в фортепиано смотрела? – он сделал вид, что последних слов не слышал, и продолжил: – Может, задание спрятано внутри инструмента? Знаешь, как туда попасть?

– Да, конечно, – я последовала его совету и обнаружила под крышкой фортепиано два конверта, приклеенных к стенке.

– Тут два конверта. Второй оставим? – достала я один из них.

– Бери оба! Поиграем по их правилам, – Никита отошёл от окна.

– С теми знаками на подоконнике разобралась? – поинтересовалась я, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Какими? – удивился он, приподняв брови.

– Теми самыми, что были на подоконнике... – протянула я, изучая его лицо.

– Да брось ты, – засмеялся он, его глаза заискрились от веселья. – Это была шутка! А ты повелась! Видела бы ты своё изумлённое лицо!

– Это был испуг! – мы вышли из зала, и я старалась не выдать своего облегчения. – Я подумала, что ты экстрасенс...

– Не верю в экстрасенсов, – остановился он. Его голос внезапно стал серьёзным. – Дай конверты, пожалуйста!

Я протянула ему конверты. Никита открыл верхний, быстро пробежался взглядом по тексту. Это было четверостишие со скрытым смыслом, но он, казалось, уловил его мгновенно.

– Ага, это луна и звёзды, – выдал он ответ, удивив меня своей проницательностью.

Он открыл другой конверт – там был текст на пол-листа. Но, судя по смыслу, тоже говорилось про луну и звёзды.

– То же самое, – он вернул мне конверты и продолжил путь.

– Почему ты не веришь в экстрасенсов? – спросила я,

складывая листочки по конвертам и следуя за ним как во сне, не глядя под ноги.

– Потому что это шарлатаны! – глухо отозвался он. – Негодяи, которые делают деньги на горе и наивности окружающих. И вообще, я верю в науку и космос, в то, что можно увидеть и потрогать.

– А я верю, что есть люди с особыми способностями, – произнесла я и налетела на внезапно остановившегося Никиту.

– Правда! – покачала головой я, подняв взгляд. Он с иронией смотрел на меня сверху вниз.

– Мне один дедушка свёл бородавки с руки и даже денег не взял!

– Кнопка, ты такая наивная! – и снова щёлкнул меня в лоб. Его голос звучал почти ласково.

– Так! – я возмущённо потёрла лоб, пытаюсь скрыть улыбку. – Хватит меня лупить по лбу!

– Я ж легонько, почти любя! – заулыбался он, спускаясь с лестницы. Его движения были лёгкими и пружинящими.

– Ну, значит, надо меня называть «почти любимая»!.. Почему «Кнопка»? – снова возмутилась я из-за его спины, стараясь идти в такт его шагу.

– Потому что ты Кнопка! Пойдём скорей, пока коридор чист! – Никита ускорил шаг. Его движения были уверенными и целеустремлёнными.

Усмехнувшись своему новому прозвищу, которое, при-

знаюсь, звучало довольно мило в его устах, я поспешила за ним, стараясь не отставать.

Несмотря на наш неуверенный настрой, мы победили! Никита проявил себя настоящим лидером, и благодаря его организаторским способностям наша команда смогла превзойти ожидания.

Когда объявили результаты, в классе раздались восторженные крики. Ребята прыгали от радости, обнимались, словно выиграли чемпионат мира. Кто-то даже пустился в пляс посреди кабинета, размахивая учебником как трофеем.

Наградой стал скромный пластиковый кубок с облупившейся позолотой по краям, но для нас он казался настоящим кубком чемпионов. С гордостью мы установили его на учительский стол – самое почётное место в классе.

Расходились домой в состоянии эйфории, обсуждая самые яркие моменты игры. Кто-то восторженно рассказывал о том, как мы нашли ключевую подсказку, другие делились историями о том, как удалось обойти соперников. Даже вечно хмурый физик, встретивший нас в коридоре, не смог сдержать улыбки, глядя на наши сияющие лица.

Глава 3

Никита ворвался в школьную жизнь подобно весеннему шторму, принеся с собой свежесть перемен. Вместе с младшей сестрой Вероникой они стали настоящим глотком свежего воздуха в нашем монотонном существовании. Несмотря на то, что они были племянниками директрисы, а их родители принадлежали к состоятельному кругу, ребята оставались удивительно простыми и дружелюбными.

О семье Никиты в селе заговорили года три назад, когда начали возводить роскошный дом. Это был настоящий коттедж с тех самых соблазнительных снимков, блуждающих в интернете. Дом простоял пустым почти год. Ходили слухи, что хозяйева не собираются переезжать, и дом в скором будущем выставят на продажу. Местные жители с интересом ожидали цену за этот коттедж.

Никита стал объектом внимания всех школьников, и мне выпала особая честь – он называл меня своей главной подругой. Это одновременно радовало и огорчало. Попытки Ольги завоевать сердце Никиты оставались тщетными. Он не захотел с ней сидеть, отдав предпочтение мне.

Но в то время меня больше волновали собственные проблемы. Каждую ночь меня преследовал один и тот же кошмар, после которого я просыпалась с болью во всём теле. Сначала немели запястья, потом боль распространялась

по всему телу, заставляя просыпаться от судорог. Я пыталась подремать днём после занятий, чтобы не видеть кошмаров, но грядущие экзамены в музыкальной школе не давали возможности отдохнуть.

Из-за болезни преподавательницы мне пришлось заниматься самостоятельно, и после уроков я почти каждый день оставалась в опустевшей школе, чтобы потренироваться на фортепиано в музыкальном классе. Играла я, как говорила Маша, упоительно, хотя энтузиазма с каждым днём становилось всё меньше. Маша иногда заходила ко мне, рассказывая о своём романе с Антоном, к которому я испытывала стойкую антипатию, несмотря на то что он был её парнем.

До конца учебного года оставалось всего два месяца. С одной стороны, погода радовала тёплыми и ласковыми вечерами, которые позволили переодеться в лёгкие наряды и гулять допоздна. С другой стороны, приближались экзамены, а значит, и куча работы по подготовке к ним. Да и сельскохозяйственные хлопоты требовали времени и трудов. Тем не менее, я с нетерпением ждала окончания учебного года.

В ту субботу уроки отменили, подарив долгожданный выходной. Но мачеха, как обычно, завалила меня делами. Выполнив последний пункт – отнеся семена её подруге – я наконец-то смогла отправиться в своё любимое место, предвкушая свободный вечерок.

– Привет, – внезапно раздался за спиной голос, от которого у меня каждый раз взлетали бабочки в животе.

– Привет, – обернулась я.

Это был он, «мой лучший друг» за последнее время.

– Какими ветрами тебя занесло на мою улицу? – спросил

Никита.

– По тебе соскучилась. Дай, думаю, по вашей улице прогуляюсь, вдруг повезёт. А ведь и повезло! – пошутила я. Ведь все знают, в каждой шутке есть своя правда.

– Мимо проходила, – сделал вывод он. – Сама ты никогда в жизни не придёшь в гости.

– Точно! – щёлкнула я пальцами с выбросом указательного. – Ты, кстати, тоже никогда сам в гости не придёшь.

– А ты и не приглашаешь, – парировал друг. – Пойдём, чаем угощу?

– Только чаем? А тортиком? – я подняла бровь кокетливо, пряча улыбку.

– Есть печенье, – улыбнулся он в ответ на мой игривый тон.

– Печенье – это скучно. Как будет торт – зови, – я демонстративно вскинула носик, хотя внутри меня всё трепетало от радости и смущения.

– К следующим выходным куплю, – почти прошептал, улыбаясь, Никита.

– Поймала на слове. Ну, раз тортика нет, давай до понедельника, – я повернулась, чтобы продолжить свой путь, и только тогда позволила бушующему внутри восторгу отразиться на лице.

– Есть предложение лучше, – бросил он мне вслед. Заинтересовавшись, я остановилась и повернулась к нему.

– Предлагаю погулять, – он шагнул ко мне.

– Согласна! – ответила я, особо не раздумывая.

– Правильное решение, – он удовлетворённо кивнул.

– Куда пойдём? – спросила я, шутливо подталкивая его плечом.

– Просто погуляем, – пожал плечами Никита.

Не спеша, мы направились вперёд. Но молчание между нами затягивалось.

– Ты сделал лабораторную? – поинтересовалась я, нарушая тишину.

– А ты нет? – вопросом на вопрос спросил тот.

– В этой абракадабре чёрт ногу сломит! – возмутилась я, вспоминая её условия. – Дашь списать?

– А с чего ты решила, что я сделал? – удивился Никита.

– Ты единственный, кто их вообще делает.

– В понедельник перед уроками дам тетрадь.

– Здорово! – обрадовалась я. – Спасибо!

– О, – воскликнул он. – Я знаю, куда можно пойти!

Никита взял меня за руку и потащил в сторону моей улицы.

– Надеюсь, не ко мне в гости, – усмехнулась я. – А то у меня злая мачеха. А это пострашней таблички со злой собакой. Табличку даже можно и не вешать...

– Она необычная, – согласился Никита. – Недавно так

долго скандалила в магазине, что я даже забыл, зачем пришёл, пока дождался своей очереди.

– Это в её духе, – подтвердила я. – Она так развлекается, я знаю это, как никто лучше.

– Тебе молоко нужно выдавать за вредность.

– Это точно.

Как ни странно, но на моей улице мы никого не встретили. Мы довольно быстро дошли до того самого перекрёстка, где впервые столкнулись.

– Как ты запомнил это место?! – возмутилась я, поняв, что он ведёт меня в моё же тайное убежище.

– У меня отличная память.

– Вообще-то это было моё местечко, – призналась я.

– Теперь наше. Я не выдам секрет.

С того нашего последнего визита здесь, как будто всё стало ярче, светлее, или просто весна принесла с собой какое-то особенное очарование... Лёгкое покачивание камышей у берега, отражение облаков в спокойной глади воды создавали особую атмосферу. Мы подошли к скамейке, и лёгкий ветерок, пропитанный запахом цветущих деревьев и свежести озера, коснулся наших лиц.

– Идеальное место для уединения, – заметил Никита.

Практически одновременно мы сели, наши плечи слегка соприкоснулись. По телу пробежала лёгкая волнительная дрожь.

– Можно подумать, у нас свидание, – кокетливо произнес-

ла я.

– А ты этого хочешь? – полушёпотом поинтересовался Никита, пристально глядя на меня. От этого взгляда у меня бешено заколотилось сердце. Он легонько провёл кончиками пальцев по моей щеке. Я почувствовала, как стало перехватывать дыхание. Возникло непреодолимое желание поцеловать его. Но первой я сделать этого не могла. Неловкое молчание нарушал лишь лёгкий шелест рядом стоящих деревьев.

– Красиво тут, – нарушил тишину Никита, переводя взгляд на озеро.

– Да-а, – задумчиво согласилась я, не зная, что ещё ответить.

– Ты умеешь пускать блинчики? – поинтересовался Никита, подходя к воде.

– Не знаю, – я пожала плечами, внимательно наблюдая за ним. Никита подобрал камешек и пустил его по воде. После первого отскока от поверхности воды камень с тихим плюхом утонул. Последующие камни тоже тонули после первого броска.

– Раньше получалось... – задумчиво произнёс Никита. – Присоединяйся, – переключился он с камней на меня.

– Не-е-е, – помотала я головой.

– Боишься утереть мне нос? – Никита посмотрел на меня, улыбаясь своей обворожительной улыбкой.

– Боюсь, что пушу камень, а он прилетит в твою красивую

мордашку, – помотала я головой. – Твои поклонницы мне не простят этого.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Скажу, что защищал девушку от хулиганов.

– Тут хулиганов нет, – поспешила опровергнуть я. – Тебе никто не поверит.

– Только живодёры... – отозвался Никита. – Которые глумятся над собаками.

– А я думала, что это ты... – задумчиво проговорила я.

– Ну да, – покачал он головой. – Кто ж, кроме меня... А, может, это ты сделала?

– Раскусил, – прищурилась я. – Не получилось убить тебя, отыгралась на собаке.

– Надо было тебе всё-таки котёнка подарить, – Никита сел обратно ко мне.

– То есть собаку тебе жалко, а котёнка нет? – повернулась я к нему в пол-оборота.

– Ты не способна на такие вещи, – произнёс он.

Я подняла на него взгляд, готовясь ответить, что он не прав, но мизерное расстояние между нами сбило все мысли.

– Ты слышишь? – нахмурился Никита, вслушиваясь.

Но вокруг царила странная тишина, словно сама природа затаила дыхание, а мир вокруг нас замер. Не было ни звука: ни ветра, ни птичьего пения, даже шорохи леса исчезли. Всё, что оставалось, – это зловещее безмолвие, которое наполни-

ло пространство вокруг.

– Жутко как-то, – прошептала я, пытаюсь уловить хоть какой-то звук, но слышала только собственное дыхание.

– Странно у вас тут, – отозвался чуть слышно Никита. Но из-за тишины его слова прозвучали громко. За нашими спинами, в лесополосе, раздался шорох; переглянувшись, мы одновременно развернулись.

Вдали от нас, в тени деревьев, появились едва различимые очертания. Три фигуры стояли, каждая на значительном расстоянии друг от друга, словно застыв в наблюдении. Они не двигались, только стояли и смотрели. Чувство беспокойства нарастало с каждой секундой. Было не по себе от странной неподвижности тех людей, их безмолвного наблюдения. И в этом молчании было что-то пугающее, как будто они были частью этой внезапно возникшей тишины.

– Чего припёрлись? – крикнула я, но тут же мой рот был закрыт ладонью Никиты.

– Пойдём отсюда, – он взял меня за руку и потянул за собой.

– А как же геройские рассказы о том, как ты спасал девушку от хулиганов? – поинтересовалась я, оборачиваясь на странные фигуры.

– Это не хулиганы, а извращенцы какие-то, – отозвался Никита, тоже оглядываясь на фигуры. – Хочешь повторить судьбу той собаки?

– Не особо... – наклонила я голову, соглашаясь с его до-

водами.

Мы шли быстро, не разговаривая. Постепенно возвращались окружающие звуки. Я наслаждалась его компанией. Он был поглощён своими мыслями. Про странное явление и тех психов думать не хотелось.

– Спасибо, что проводил, – грустно поблагодарила я, отпуская его руку и сворачивая в сторону дома.

– Ерунда, – он улыбнулся. – Всё равно по пути.

– Ну что ж такое, – возмутилась, остановившись я. Покачивая головой, повернулась к нему. Он вопросительно взглянул на меня.

– Нет в тебе ничего романтического!

– А ты об этом. Спасибо за прекрасный вечер, моя Кнопочка, – сделал он наигранно-серьёзный голос.

Я, улыбаясь, приподняла брови и повернулась к калитке. В это время на дороге появился мотоцикл, который я узнала через мгновение.

– Кого я вижу, – раздался голос Макса.

– Ты откуда? – поинтересовалась я.

– От Кати, – он подкатился ближе к нам. Максим был чуть ниже Никиты. Его тёмные волосы растрепались из-за быстрой поездки на мотоцикле и теперь торчали в разные стороны.

– Ты чего без шлема катаешься? – заметила я. Когда-то мы с ним были лучшими друзьями, но с возрастом наша дружба стала больше похожа на приятельство.

– Дома забыл, – отмахнулся он, уставившись на меня своими карими глазами.

– Что-то ты не счастливый от подружки едешь, – заметил Никита.

– Поругались.

– Что на этот раз? – поинтересовалась я.

– Всё из-за него, – кивнул он в сторону Никиты.

Тот удивлённо посмотрел на него.

– Каким боком?

– Да весь трёп только про тебя. Бесит!

– Нашли из-за чего ругаться. Делать вам больше нечего! – хмыкнул Никита.

– Помирятся, – отозвалась я. – Они всегда мирятся.

– Сравнить меня с ним – это уже слишком! – возмутился Макс.

– И не говори, – усмехнулся Никита.

– Алён, – обратился Максим ко мне. – Не поддавайся под его чары, одна дурочка уже повелась на него. Теперь все вокруг гудят об этом.

– Макс, заткнись, – дружелюбно, но с металлом в голосе попросил Никита. Макс хмыкнул, но развивать тему не стал.

Я всё равно не поняла в тот момент, о чём он говорит, но это меня не сильно интересовало.

– Алён, в общем, не поддавайся! – всё-таки не удержался от непрошенного совета друг.

– Не буду, – улыбнулась я, взглянув на Никиту.

– Макс, тебе уже пора домой? – поинтересовался сквозь зубы тот.

– Ах да. Тебя подвести?

– Давай, – согласился Никита. – Ладно, Алёнка, пока!

– До понедельника, – попрощалась я с ребятами, наблюдая, как они уезжают на мотоцикле.

Внезапная тишина всё ещё отзывалась дрожью в спине. Это было что-то сверхъестественное – будто весь мир замер в ожидании чего-то. И эти фигуры... Они стояли как статуи, не двигаясь, не говоря ни слова. От одной мысли об этом по коже пробежали мурашки.

Каждый шаг эхом отдавался в тишине двора. Мне казалось, что кто-то прячется за каждым кустом, но это была всего лишь игра воображения, взбудораженного произошедшим.

А может, это просто чья-то глупая шутка? Но что-то подсказывало, что всё гораздо серьезнее. Эти люди явно не были обычными прохожими или случайными зеваками. Завтра, скорей всего, всё это будет казаться просто странным воспоминанием.

Мысли перескакивали с одного на другое. Теперь вспомнился Никита – как он отреагировал на появление тех фигур, как уверенно взял меня за руку и повёл прочь оттуда. Потом вспоминала слова Макса, его предостережение. Но что в этом такого? Разве нельзя просто наслаждаться обществом приятного человека?

На следующий день, ближе к вечеру, ко мне заехала Маша и уговорила покататься на велосипеде. Свежий весенний воздух обычно поднимал настроение, но сегодня даже он не мог развеять ту смутную тревогу, которая поселилась во мне после вчерашнего происшествия у озера.

Мы кружили по селу, когда неожиданно встретили Никиту с Ольгой – они обнимались. Так вот о чём вчера говорил Макс! А я не догадалась, что речь идёт о его девушке!

Никита помахал рукой, как только наши взгляды встретились. Я кивнула в знак приветствия, стараясь крутить педали быстрее, чтобы поскорее проехать мимо них. В груди защемило, а в душе образовалась пустота. Зачем тогда все эти загадочные намёки и кокетливые разговоры?

– Они такая красивая пара, – подлила масла в огонь Маша.

– Я не знала, что они встречаются, – призналась я, стараясь глубже дышать, чтобы не расплакаться.

– Ты даёшь, – удивилась Маша. – Да все говорят об их романе. Странно, что Никита тебе не говорил про это! Вы же такие друзья.

– Да, удивительно, – глухо отозвалась я, чувствуя, как внутри всё неприятно сжимается.

– Олька мне говорила, что у них там всё серьёзно, – продолжала Маша, явно не замечая моего состояния.

Я старалась не подавать виду, как мне неприятно это слышать. Но каждое её слово вонзалось в сердце.

– В плане серьёзно? – уточнила я, пытаюсь отвлечься. Колесо велосипеда задело обочину, и я едва удержалась от падения. Но сейчас это казалось мелочью по сравнению с тем, что творилось в моей душе.

– У них был секс! – округлила глаза подруга.

Стало резко не хватать воздуха.

– Она сказала, что её первый раз был незабываемым.

– Надо отдышаться, – я остановилась и крепко сжала руль, жадно хватая воздух.

Маша остановилась рядом.

– Ольга говорит, классные ощущения, – продолжила она. – Представляешь!

– Не представляю.

– А я как-то ничего классного не почувствовала, – с досадой заявила Маша.

– Только не говори, что ты тоже с ним... – я осеклась.

– Нет, с Антоном, – пояснила она. – Ради интереса.

– Ты так просто об этом говоришь, а это ведь такое событие! – пристыдила я подругу.

– Может, для тебя – это событие, – обиделась Маша. – Ты застряла в романах сестёр Бронте.

– Не обижайся, – попросила я, восстановив дыхание. – Мне кажется, ещё рано начинать интимную жизнь.

– Это потому что у тебя парня нет, – сделала вывод Маша. – Я бы с Никитой тоже переспала, если бы он предложил.

– Маш, что ты несёшь?! – покачала я головой, вновь уса-

живаясь на велосипед и отталкиваясь от земли.

– Серьёзно, – догнала меня покрасневшая подруга. – Ольга такие вещи рассказывает!

– Ольга может рассказать то, чего и не существует.

– Я ей верю, – пожала плечами подруга.

Надо сворачивать этот разговор, пока я не расплакалась прямо на ходу или не наорала на ни в чём не повинную подругу.

– Ну, и зря. Ладно, я домой. Опаздываю уже минут на пять.

– Давай, дорогая, – улыбнулась на прощание Маша.

Зайдя в комнату, я упала на кровать и уставилась в потолок. Хотелось плакать, но слёзы почему-то не шли.

А ведь я действительно думала, что между нами есть какая-то особая связь, что он единственный, кто понимает меня по-настоящему. А теперь всё это казалось каким-то надуманным. Ну что ж... справлюсь и с этим, бывали моменты и похуже.

Глава 4

Понедельник традиционно считается самым тяжёлым днём недели, и все ученики нашей школы с этим согласны. Виной тому еженедельная линейка, которая начинается ровно в девять утра. Этот понедельник не стал исключением.

Первые пятнадцать минут директор методично зачитывала какие-то скучные объявления, от которых, казалось, можно было уснуть стоя. Наконец, настало время для отчёта дежурного класса прошлой недели. Вперёд вышла староста одиннадцатого класса.

– Неделя прошла спокойно, – начала она заученной скороговоркой, её голос эхом разнёсся по школьному коридору. – Без замечаний. Все ученики вели себя подобающим образом.

Тут она сделала театральную паузу и продолжила:

– Хотелось бы выделить Данилова Никиту, который всю неделю нарушал дресс-код школы...

За моей спиной послышался приглушённый смешок. Никита, похоже, совсем не стеснялся своей репутации нарушителя. Его тётя бросила на него неодобрительный взгляд.

– А также в пятницу Данилов Никита и Волкова Алёна после уроков топтались по цветочной клумбе.

Я невольно вспомнила события пятницы. Всё началось с того, что я, как обычно, крутила на пальце ключи от дома.

В какой-то момент они соскользнули с пальца и приземлились прямо в клумбу с крокусами. Переборов боязнь гнева администрации, я в спешке бросилась искать злополучную связку среди цветов, и спасло меня только наше юное дарование. Он нашёл ключи за пару секунд и вручил их мне.

Я почувствовала, как краска стыда заливает лицо, а сердце колотится где-то в горле. Конечно, мне не привыкать стоять перед директрисой и слушать нравоучения на глазах у всех учеников школы. Но каждый раз меня окутывает волнение – успокаивало только то, что в этот раз я буду не одна.

Староста, закончив отчёт, вернулась к своему классу, а директриса, поправив очки, произнесла:

– Выходите, нарушители. – Её голос прозвучал так мрачно, будто она собиралась отправить нас не на обычное нравоучение, а на каторгу.

Положив руки мне на плечи, Никита подтолкнул вперёд, и мы вышли на растерзание. Я украдкой взглянула на него – он выходил с видом победителя, словно его только что назначили королём школы. В его глазах плясали озорные искорки, словно вся эта ситуация его ужасно забавляла. Похоже, предстоящий разговор с директрисой его совсем не беспокоил.

По её рассеянному лицу было видно, что она не была готова услышать фамилию своего племянника в сводке «нарушители недели».

– Ну что ж, – смерив нас взглядом, Людмила Викторовна

траурным голосом начала свою обычную тираду. – Ситуация с цветами весьма огорчительна. К сожалению, нам не удалось привить вам должное уважение к труду. Классный руководитель сообщит о наказании. На этом наша встреча окончена.

С этими словами она, поправив складки своего строгого бордового платья, развернулась и ушла прочь в сторону своего кабинета, цокая каблучками по паркету. Сегодня она как никогда была лаконичной.

Все направились в классы. Первым уроком была геометрия, а вела его как раз наша классная руководительница.

– Ну что, антисоциальная личность, – Никита обнял меня за плечи и прижал к себе, его тепло передавалось через ткань рубашки. – Чем же ты так насолила старосте одиннадцатого?

– У нас давно нежные чувства друг к другу, – улыбнулась я, но моё сердце всё ещё колотилось от волнения. – Лучше скажи, чем ты ей насолил? Твое имя сегодня несколько раз повторилось.

– Не знаю, – он на мгновение замолчал, словно обдумывая эту мысль. – Наверное, тайно влюблена в меня, – пожал он плечами. – Или таит обиду за проигрыш. Разве можно вас, девчонок, понять?

– Ну что вы, криминальные напарники, как умудрились так спалиться? – поравнялся с нами Макс. Он был сыном нашего завуча, и все его проделки оставались незамеченными. И сейчас он откровенно потешался над нами. – Посягнули на святое! Ничего человеческого в вас нет!

– Совесть уже замучила, – улыбнулся Никита. – И вообще, надо бы нам уже на крупные дела пойти.

– Вообще-то, у меня нет тёти-директора, – отозвалась я, поправляя лямку рюкзака на плече. – И она с лёгкостью разодрёт меня как Тузик грелку!

– Никит, – догнала нас Ольга, в голосе слышалась мольба, а в глазах стояли слёзы. – Нам нужно поговорить.

– Не сейчас, – вмиг он стал серьёзным, а голос низким и напряжённым. – На перемене.

– Хорошо, – Оля отстала от нас.

Я обернулась: она что-то эмоционально рассказывала Маше, вытирая слёзы белоснежным рукавом блузки.

– Видела бы ты своё выражение лица! – Никита беззаботно обратился ко мне. Он мельком взглянул на Ольгу, никак не отреагировав, словно её слёзы его не трогали.

– Ну и какое оно было? – наклонила я голову на бок, озадачившись его холодной реакцией.

– Перепуганное. Ты так серьёзно относишься к этому. Забей и расслабься, – его улыбка стала чуть более искренней, словно он пытался меня подбодрить.

– Я очень впечатлительная, – усмехнулась я, пытаюсь разрядить обстановку. – Кстати, ты не забыл лабораторную?

– Забыл, вчера не до этого было, – отмахнулся он. – Я тебе помогу её решить.

– Надеюсь, вечер был насыщенным, – протянула я, намекая на вчерашние обнимашки и сегодняшние слёзы.

– Ещё каким... – улыбнулся он, покачав головой.

Интересно, что изменилось со вчерашнего вечера, почему он так равнодушен к девушке, с которой у них вроде бы «всё серьёзно»? Может быть, он не такой благородный, каким хочет казаться мне? Или я замечала раньше только то, что мне нравилось в нём?

В классе стоял обычный шум – болтовня, смех, звуки скрипящих стульев, как всегда, когда урок ещё не начался. Мы как-то привыкли к этому хаосу, и все чувствовали себя уютно в этой беспокойной атмосфере. Но как только в дверь вошла Ирина Борисовна, всё мгновенно притихло.

– Всё веселитесь, – недовольно заметила учительница, подходя к учительскому столу.

Нашей классной руководительнице было чуть за пятьдесят, но её энергия могла бы затмить и молодых. Хотя она всё время читала нам нравоучения, в надежде, что те хотя бы чуть-чуть отложатся в наших ветреных головах, в целом наши отношения были неплохими. В отличие от некоторых учителей, Ирина Борисовна оставалась компанейской и открытой женщиной, иногда с ней было даже весело. Мы могли посмеяться, обсудить что-то неформальное, и она не отказывалась от общения. А нотации... Мы все понимали, что таковы её обязанности. Но даже когда она начинала очередное нравоучение, мы слышали в её голосе нотки заботы, которая указывала на то, что ей не безразлично, что с нами будет.

Она уселась на свой стул и обвела класс взглядом. Затем

постучала пальцами по закрытому журналу.

– Алёна, – начала она, строго посмотрев на меня. – Ты остаёшься после уроков сажать цветы.

– Хорошо, – отозвалась я, испытав облегчение от такой конкретики, без лишних лекций. Ирина Борисовна открыла учебник, собираясь начать урок, но её прервал Никита.

– А я? – напомнил о себе он. – Это же я по клумбе ходил! А она стояла рядом.

– А на тебя мне не давали распоряжения, – ответила она, захлопнув учебник и поднимая взгляд на него. – Никита, я тоже за справедливость, но наказания определяет Людмила Викторовна.

– Так это не честно! – возмутился Никита. – Там, кстати, ещё что-то про дресс-код промелькнуло...

– Ну-ну, прикрывай эту дурочку, – внезапно вмешалась Ольга, как бы между прочим, с усмешкой. Её слова прозвучали холодно и насмешливо.

Никита полностью проигнорировал Ольгин выпад, даже не повернувшись к ней. А судя по тому, с каким вызовом Оля смотрела на него, она ждала от него какой-то реакции.

– Да, Никита, белый верх – чёрный низ, а не как взбредёт тебе в голову, – проговорила Ирина Борисовна, рассматривая Ольгу с каким-то несвойственным ей удивлением. Наверное, она тоже озадачилась тем, что между ними происходит. – Ну, слава Богу, хоть голый не приходишь, а то учёба совсем бы встала. Если ты так сильно хочешь помочь, то мо-

жешь помочь своей напарнице сажать цветы после уроков. Так тебя устраивает?

– Вполне, – произнёс он.

Мы переглянулись, улыбнувшись друг другу. Кто бы мог подумать, что наказание может превратить в приятное времяпровождение.

– Итак, – Ирина Борисовна встала, подходя к доске. – Приступим к уроку.

В течение дня я пару раз замечала Олю, сидящую в окружении своих подруг. Они стояли вокруг неё с тревожными и сочувствующими лицами. Оля была в центре внимания, как всегда, но её глаза были красными от слёз. Что-то произошло, с чем она не может справиться.

Каждый раз, проходя мимо её компании, я чувствовала, как их взгляды прожигают мою спину, а шёпоты становятся громче. И каким-то абсолютно непонятным образом совершенно незаслуженно они решили, что во всём виновата именно я. Казалось, все девчонки из класса ополчились против меня. И я оказалась по ту сторону баррикад, не понимая, как это произошло. Даже Маша ни на секунду не отходила от девушки, игнорируя меня.

После шестого урока нам вручили ящики с рассадой, ведро и тяпку, а также показали, куда всё это сажать.

– Ты хоть раз сажал цветы? – поинтересовалась я у него, как только он принёс полное ведро воды.

– Конечно, – он поставил ведро рядом с клумбой. – Каж-

дый день только этим и занимаюсь, – в его голосе звучали нотки иронии.

– Ладно, признаюсь, ступила! – улыбнулась я.

– Давай я буду ямки делать, а ты сажай, – предложил он, беря в руки тяпку.

Пока он делал ямки, я аккуратно доставала из ящиков нежные ростки. Их маленькие листочки дрожали на весеннем ветру. Мы работали молча, но это было приятное, уютное молчание.

– А-а-а, я не могу, Никита-садовник! – к нам подошла сестра Никиты – изящная блондинка с чуть вьющимися локонами, ростом чуть выше меня. Её светлые волосы мягкими волнами спускались до плеч, слегка колыхаясь при каждом движении. Её улыбка, немного застенчивая и в то же время открытая, сразу располагала к себе, а серо-голубые глаза излучали невероятное дружелюбие. В девочке было что-то особенное – может быть, это была та самая внутренняя красота, которая делает человека по-настоящему привлекательным. Вместе с ней подошла её одноклассница. – Ань, сфоткай меня на фоне работающего брата!

Вероника протянула подруге телефон.

– Ну-ка, улыбнись! – попросила она брата, продолжая дурачиться.

– Ника, отвали! – возмутился он, отрываясь от лунок. – Иди, куда шла, а то сама тут цветы будешь сажать!

– Нет-нет. Ты косячишь, ты и сажай! И не забудь, это цве-

точки, сажать надо зелёным вверх, корнями вниз, – потешалась она. Я смотрела на них, не сдерживая улыбку. – Так... ещё подружку сфоткаем... – она перевела на меня телефон, весело и непринужденно фотографируя нас.

– Иди отсюда! – угрожающе произнёс он. Его грозный вид портили подрагивающие от еле сдерживаемого смеха уголки рта.

– Ладно, ладно, – улыбалась девочка. – Но знай, теперь у меня на тебя есть компромат! – заговорщически добавила она, помахав телефоном.

– Давай-давай... Топай домой, – покачал головой Никита, пытаясь сохранить серьёзность. Девочки стали отдаляться от нас, весело болтая о чём-то, и их смех, словно колокольчики, разносился по улице.

Выходящих из школы учеников становилось меньше, а вскоре входные двери и вовсе перестали открываться. Последние группки подростков, смеясь и переговариваясь, торопились побыстрей покинуть школьный двор.

– Так что у вас произошло с Ольгой? – поинтересовалась я, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Руки все были в земле, подозреваю, что и лицо тоже. Она весь день рыдает.

– Много она себе надумала лишнего, – неохотно отозвался он, не отрываясь от своей работы.

– Но почему-то виноватой в этом стала я, – разминаясь, я встала с корточек. – Мне надо знать, за что я оказалась

в опале... Девчонки ополчились против меня, а не против тебя...

– Она стала мне указывать, с кем мне дружить, что мне делать и прочее в этом духе. Меня не устраивает, когда мне навязывают чужую волю, – Никита перестал делать лунки и посмотрел на меня. – Вот мы и решили расстаться, не сошлись в представлении о наших отношениях. Ты тут совершенно ни при чём.

– Всего за один вечер? – удивилась я, нахмутив брови.

– И такое бывает, – коротко ответил он, пожав плечами. – Полегчало?

– Вполне, – протянула я, задумчиво взглянув на остатки рассады. – А найти компромисс? Вроде как у вас там серьёзно.

– Кто тебе сказал, что у нас там серьёзно? – удивился Никита. – То, что она бегает и рассказывает, что у нас был секс – не показатель серьёзности. Это её не украшает, а, наоборот, показывает, какая она глупая.

– Ты так спокойно говоришь про секс, а ведь это таинство между парой, – я даже слегка смутилась, не поднимая взгляд от рассады.

– Ты знаешь, таинство... Но не тогда, когда каждый второй житель этого села знает чуть ли не во всех подробностях, что у нас было... Даже мои родители об этом знают! Между прочим, ты единственная, с кем я обсуждаю эту тему, и то только сейчас, когда наш секс с ней уже стал народным до-

стоянием. Так что у нас не таинство, а бурный инфоповод.

– Да уж, и правда странно. Так, значит, всё? – спросила я, возвращаясь к цветам.

– Значит, всё, – проговорил он с каким-то безразличием в голосе.

– И тебя не останавливает, что она тебе доверилась, отдав самое дорогое, что у неё было?

– Самое дорогое, что есть у человека – это душа и жизнь, – поправил он.

– А для девушки ещё и невинность, – настаивала я.

– Алёна, – вздохнул он, присаживаясь на корточки рядом со мной и наблюдая за моими действиями. – Невинность в наше время для девушки перестала иметь такую важность.

– Так мог бы рассказать про ваш роман, я бы тебя не отрывала своими дурацкими прогулками от твоей девушки, – подняла взгляд, встречаясь с ним глазами.

– Поверь, если было бы что-то стоящее или серьёзное, ты бы узнала об этом первой, – уверил он, теребя травинку в руках.

– Получается, ты использовал её?

– Получается так. И вообще... – отмахнулся Никита, поднимаясь на ноги. – Не хочу говорить о ней. Давай не будем. А если девчонки продолжат тебя игнорировать, готов заменить тебе лучшую подружку, – он снова взял тяпку в руки и продолжил делать ровные лунки. – Раз из-за меня всё это.

– Поймала на слове! – с энтузиазмом поддержала эту

идею.

– Я тебе обещал помочь с физикой, можно сделать её на площадке. Как только закончим каторжными работами заниматься, – проговорил он, не отрываясь от работы.

– Солнце ещё высоко... – протянула я.

– Так ничего страшного, вечер длинный, – в его голосе звучала уверенность и лёгкая игривость, словно вся предыдущая, не самая приятная, беседа уже была забыта.

После нашей слаженной работы остались ровные ряды молодых растений. Надеюсь, эта клумба будет самой красивой. Солнце уже начало клониться к закату, бросая длинные тени на свежевсаженную рассаду.

Немного полюбовавшись своим творением, мы направились на площадку, чтобы позаниматься физикой. Там мы расположились на скамейке, доставая учебники и тетради.

– Так, почему вы решили сюда переехать? – поинтересовалась я, переписывая лабораторную работу, которую мы только что вместе сделали.

– Наши родители решили, что меня срочно нужно спасти от ненужных решений и ошибок, – хмыкнул недовольно Никита. – В общем, думают, если мы уехали в эту глухомань, то мои проблемы вдруг исчезнут.

– И как, исчезли? – прищурилась я заинтересованно, оторвавшись от своей тетради.

– Теперь я связался с плохой компанией в твоём лице, – улыбнулся он и иронично продолжил: – И топчусь по клум-

бам тётки и лишаю невинности местных девочек.

– Собираетесь переезжать на луну? – спросила я с иронией, приподняв бровь и глядя на него с лёгкой усмешкой.

– Оставляют меня тут на лето в одиночестве, со средствами только на питание, – проговорил он с лёгкой усмешкой. – Типа меня нужно изолировать от привычного образа жизни.

– Не скажу, что ты выглядишь как настоящий проблемный подросток, – сказала я задумчиво, рассматривая его.

– Меня устраивает, что они не будут лезть в мою жизнь хотя бы пару месяцев. Пусть поживут с иллюзией контроля ситуации, – произнёс он, небрежно пожав плечами.

– Обычно в фильмах так рассуждают психопаты, – улыбнулась я. – Ты же не психопат?

– Нет, – тоже улыбнулся он. – Просто всё детство с сестрой мы были предоставлены сами себе. Нашей няньке не было дела до нас, а родителей отвлекать этим не хотелось. Они и так работали без отдыха ради нашего благополучия. Так что пришлось с детства заниматься недетскими вещами. Самостоятельно разбираться, как ухаживать за малышкой, учиться готовить простые блюда, потому что няньке было невдомёк следить за «буржуйскими» детьми. А теперь, когда я спокойно справляюсь самостоятельно и мне не требуется ничья опека, они вдруг решили наверстать упущенное время.

Вот оно как... Так со стороны они выглядели вполне счастливыми. Наверное, в каждой семье за обёрткой бла-

гополучия есть свои тайны, свои нерассказанные истории и недосказанности.

– А ты? – Никита внезапно перевёл взгляд на меня. – Мы никогда не говорили про тебя. Что скрывается за твоей улыбкой?

– А я давно уже здесь, целую вечность, – пожала я плечами, возвращаясь к тетради. – У меня вообще очень тихая жизнь. Наше село – это место, где ничего особенного не происходит, и народ живёт одними сплетнями.

– Я заметил, – усмехнулся он, но в его усмешке промелькнуло что-то похожее на сочувствие.

В этот момент издалека послышался треск мотоцикла, постепенно приближающийся к нам. Через минуту к нам подкатил Максим, прервав наш разговор. Его появление развеяло ту особую атмосферу откровенности, которая успела установиться между нами.

– Привет! – поздоровался он, заглушив мотор. – Что-то я вас часто вдвоем вижу. Алёнка, не верь всему, что он говорит, – добавил он с ухмылкой.

Улыбнувшись в ответ, я продолжила работу над лабораторной, ничего ему не ответив.

– Что-то ты слишком часто появляешься рядом не вовремя со своими непрошенными советами, – парировал Никита, бросив на Макса выразительный взгляд. Я улыбнулась еще шире, наблюдая за их перебранкой.

– Уже шесть, – отмахнулся Макс. – Забыл, что догово-

рились к шести собраться? Сейчас остальные подтянутся. Опаньки! – Макс впился хищным взглядом в мою тетрадь. – Дай скорей листок! Тоже сделаю лабораторную на отлично!

Никита протянул ему двойной листок и ручку. Максим присел рядом со мной, повозившись, чтобы устроиться поудобнее.

– Своими мозгами надо думать, – заметила я, не отрывая глаз от работы.

– Это говорит мне человек, который в последнее время списывает у Никиты! – тут же нашелся Макс.

– Не умничай, – с улыбкой толкнула я его в бок.

К тому времени, когда мы закончили переписывать, на площадке собралось много парней всех возрастов, уже делившихся на две команды.

– Ребят, давайте к нам! – позвал Никита, энергично жестикулируя в нашу сторону. – У нас не хватает игрока!

– Ладно, пойду я домой, – убрав тетрадь в рюкзак, встала я, стараясь скрыть легкое замешательство. – У меня еще куча дел на вечер.

– Пойдем! – Макс встал передо мной, загораживая путь к отступлению. – Посидишь в воротах, а то никто не хочет вратарем быть. Представь, как круто будет – девушка-вратарь!

Я потупила взгляд, покачав отрицательно головой.

– Нам одного человека не хватает, не обламывай! – Никита подошел ближе, его глаза светились энтузиазмом. – Обе-

щая, будет весело! Ты же любишь активный отдых?

– Да брось, – Макс хлопнул меня по плечу. – Ты же ему не откажешь?

– Ладно-ладно, – я не смогла сдержать улыбку, глядя на их умоляющие лица. – Тебе не откажу! – подмигнула я Максу. – Пойду только ради тебя!

Меня поставили на ворота. Честно говоря, я была в ужасе от своей затеи – последние разы, когда мы играли в футбол на физкультуре, заканчивались моими падениями и смехом одноклассников. Но ребята сразу взяли игру под свой контроль. Максим, как всегда, демонстрировал свое мастерство – точные пасы, молниеносные рывки, а Никита, словно прочитав его мысли, идеально поддерживал атаки. Их дуэт был безупречен – соперники не смогли даже приблизиться к нашим воротам.

После игры мы всей компанией расположились на площадке, обсуждая каждый момент матча. Никита, раскрасневшийся от игры, рассказывал забавные истории из своей футбольной практики. Между нами царил легкая и дружеская атмосфера, наполненная искренними улыбками и добродушными подколами.

Глава 5

Несколько недель пролетели как один миг. Если верить средствам массовой информации в лице скучающих школьниц, то Никита переспал почти со всеми девчонками из одиннадцатого класса. В школьных коридорах, среди весёлого смеха и болтовни, теперь всегда можно было услышать очередную невероятную историю о неразделенной любви.

Что касается самого Никиты – он, похоже, вообще не замечал бурю эмоций, которую вызывал. Он продолжал вести себя как ни в чём не бывало, словно разбитые девичьи сердца его не волновали. Его безразличие только подливало масла в огонь школьных интриг.

Ольга старалась держаться стойко, но я замечала, как её улыбка становилась всё более натянутой, а взгляд – отстранённым, когда речь заходила о Никите и его похождениях. Казалось, что эти сплетни разрывают её сердце, но она изо всех сил старалась этого не показывать. Её страдания были написаны на лице, хотя она пыталась это скрыть.

Моё положение тоже изменилось – девочки, раньше считавшие меня подругой, теперь демонстративно игнорировали при встрече. Даже Маша начала избегать долгих разговоров и пытаться найти любой предлог, чтобы не проводить время со мной. Я чувствовала себя изгоем в собствен-

ном классе, словно невидимая стена выросла между мной и остальными.

Но Никита, верный своему обещанию, старался заполнить эту пустоту в моей жизни. Наши встречи стали регулярными – мы часами бродили по улицам, обсуждая всё на свете: от последних фильмов до смысла жизни. Его шутки были такими заразительными, что я часто ловила себя на том, что смеюсь до боли в животе. В его компании время летело незаметно, а проблемы казались не такими уж и страшными.

В эти моменты я забывала о школьных интригах и сплетнях, просто наслаждаясь общением с человеком, который помогал видеть радость даже в самых обычных вещах. Его присутствие наполняло дни особым смыслом, делая их ярче и насыщеннее.

За пять минут до звонка я толкнула дверь класса и замерла на пороге. Обычно шумный класс сейчас напоминал читальный зал в библиотеке – все на своих местах, но какая-то гнетущая тишина висела в воздухе. Воздух казался тяжёлым и душным, словно перед грозой.

Никита, уткнувшийся в телефон, поднял глаза и едва заметно кивнул. Его лицо выглядело непривычно серьёзным, что только усилило моё беспокойство.

– Привет. Что случилось? Кто умер? Все с такими траурными моськами сидят, – прошептала я, пытаюсь разрядить напряжённую атмосферу своей обычной шуткой.

– Олька, – ответил Никита, не отрывая глаз от экрана те-

лефона. Его голос прозвучал глухо.

Кровь застыла в жилах. Я почувствовала, как холодок пробежал по спине.

– То есть? – мой голос дрогнул.

– Она умерла, – повторил Никита едва слышно.

В голове зашумело.

– Надеюсь, не сама... – единственное, что я смогла выдать из себя.

– Никто не знает. Засыпала здоровой, а утром не проснулась, – Никита, наконец, отложил телефон и посмотрел на меня. Он казался растерянным. – Записок никаких не оставлено. Разбираются.

Тишина в классе стала почти осязаемой, и каждый вздох казался оглушительным в этой атмосфере всеобщей скорби. Воздух, казалось, звенел от напряжения, а время словно остановилось.

Уроки в классе отменили до похорон. Два бесконечных дня я бродила по дому, как призрак, не в силах найти себе места. Каждая минута растягивалась в вечность. Я чувствовала себя в ловушке собственного разума, не зная, как мне быть.

Я не могла выбросить из головы мысль: «Что, если она ушла по своей воле?». Она была сильно обижена на меня, а я... никогда не понимала, за что именно. Мы никогда с ней не были близки, и разбираться, что вдруг случилось, не было интереса. Тем более за что-то вымаливать прощение.

Голова раскалывалась от бесконечных «если бы» и «может быть». Вопросы, на которые никогда не будет ответов, крутились в голове, как карусель, от которой тошнило. «Почему она не поговорила со мной? Могла ли я что-то изменить? За что она так сильно обиделась?»

Чувство вины сжимало грудь ледяными тисками, заставляя дышать чаще и поверхностнее. Я понимала, что если она действительно ушла из-за меня... то этот груз будет преследовать меня всю оставшуюся жизнь. И никакие оправдания не помогут его сбросить.

День похорон наступил как-то слишком быстро, хотя последние дни тянулись мучительно долго. Классная руководительница собрала нас перед выходом, и мы, будто потерянный выводок, поплелись к дому Ольги.

Я намеренно держалась позади всех, чувствуя, как свинцовая тяжесть давит на плечи. Каждый шаг давался с трудом, будто я брела против сильного ветра. Её дом, ещё недавно живой и тёплый, теперь казался каким-то потусторонним, словно застыл в траурной неподвижности.

В прихожей толпились люди, шёпоты сливались в неясный гул. Родители Ольги, красные от слёз, встречали каждого с неизменной вежливой улыбкой. «По одному», – тихо повторяли они каждому входящему.

Пока я стояла в скорбной очереди, прислушиваясь к приглушённым разговорам, кто-то из взрослых упомянул о её болезни. Редкой, загадочной, почти неизученной. Эта ин-

формация, как прохладный компресс, внезапно остудила жар моих терзаний. Значит, это не было её выбором. Значит, я не виновата.

Я продолжала отступать, пропуская одноклассников вперёд, пока не осталась последней в этой печальной очереди. Теперь, когда я знала правду, мне нужно было набраться смелости, чтобы проводить её в последний путь.

Я остановилась у двери в комнату, где стоял гроб. «Всего лишь подойти, положить цветок и уйти», – повторяла я себе, как мантру.

Сделав глубокий вдох, я толкнула дверь и шагнула внутрь. Полумрак комнаты окутал меня, как плотное покрывало. Ольга лежала в гробу, и на мгновение мне почудилось, что она просто спит – так спокойно и безмятежно выглядело её лицо. Только отсутствие дыхания выдавало страшную правду.

Я сделала несколько шагов вперёд, держа в руке увядшую гвоздику. Её лепестки казались такими хрупкими в моих дрожащих пальцах. Когда моя рука с цветком зависла над общим букетом, что-то холодное и твёрдое вдруг сжало моё запястье.

Вздвогнув, я опустила взгляд и увидела её пальцы – бледные, холодные, мёртвые. Они впились в мою кожу с неожиданной силой. Воздух вокруг нас словно сгустился, потемнел, наполнился тяжёлой тишиной. Ноги вдруг стали ватными, колени предательски задрожали, но её мёртвая хватка

не давала упасть.

– Они тебя видят, – прошелестел её голос, неестественно низкий и искажённый.

Зрачки Ольги были расширены до невероятных размеров, закрывая почти всю радужку. Её губы шевелились, произнося какие-то слова, но они сливались в неразборчивый шёпот, от которого кровь стыла в жилах.

Внезапно я почувствовала чьи-то руки на своих плечах. Этот дополнительный ужас переполнил чашу моей храбрости – я отпрянула назад, закричала, и мой крик эхом разнёсся по комнате, нарушая гнетущую тишину.

Спустя несколько секунд все, кто находился в доме, собрались вокруг меня. Я мельком взглянула на Ольгу – она лежала в гробу, будто ничего не произошло, словно не она только что сжимала мою руку мёртвой хваткой. Меня вывели на свежий воздух, и только здесь я осознала, что сильные руки, поддерживающие меня, принадлежат Никите.

От пережитого ужаса меня било крупной дрожью. Мир вокруг казался размытым, звуки доносились как будто сквозь вату. Кто-то сунул мне в руки стакан воды и таблетку успокоительного, но лекарство действовало мучительно медленно.

Никита увёл меня подальше от толпы, мы сели на старые брёвна в стороне от людей. Я всё ещё дрожала, когда процессия с гробом двинулась к кладбищу. Когда последние люди разошлись, а вокруг воцарилась тишина, я не смогла больше

сдерживать эмоции – слёзы хлынули потоком. Никита молча обнимал меня, его рука крепко держала меня за плечи, даря единственное утешение в этом хаосе.

– Так стыдно, – прошептала я, нарушая тяжёлое молчание.

– Не думай об этом, – тихо ответил он, его голос звучал успокаивающе.

– Меня дома убьют, – наконец до меня дошло, какие последствия ждут меня после этого происшествия.

В этот момент к нам подъехала машина Людмилы Викторовны.

– Хватит уже тут сидеть, горемыки, – произнесла она. – Давайте по домам развезу.

Никита помог мне подняться, и мы забрались в машину. Поездка прошла в полном молчании. Когда автомобиль остановился у моего дома, я поспешно выскользнула из него, пробормотав слова благодарности.

Новости разлетаются быстро по нашему селу, и дома меня ждал не самый тёплый приём. Я выслушала целую лекцию о том, что я истеричка и позорю семью... Решив не ругаться с мачехой, я молча выслушала её новые претензии и отправилась к себе в комнату.

Рука пульсировала от боли в том месте, где Оля сжала её мёртвой хваткой. Дрожащими пальцами я приподняла рукав – на коже проступал багровый синяк причудливой формы, словно отпечаток чьих-то пальцев с кровоподтёками.

Живот скрутило от страха – значит, всё это было по-настоящему, не плод моего воображения.

Тело накрыла слабость, и я рухнула на кровать. За окном стремительно темнело, и я торопливо щёлкнула выключателем бра, словно свет мог прогнать наваждение. В этот момент дверь приоткрылась, и в комнату вошёл папа.

– Милая, – он сел на край кровати, его голос звучал обеспокоенно. – Как ты себя чувствуешь?

Я подняла на него взгляд, но смогла выдать только:

– Папочка... – мой голос дрожал, но я заставила себя произнести: – Всё хорошо.

Папа взял мою руку, и я вздрогнула от его тёплого прикосновения.

– Доченька, – его голос стал мягче, – я вижу, что что-то происходит. Ты можешь мне рассказать.

Я покачала головой, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Как объяснить то, что объяснить невозможно? Как рассказать о том, что мёртвая Оля сжимала мою руку в холодном могильном прикосновении? Как рассказать о том, что в моих снах каждый раз я умираю и вся боль ощущается как настоящая?

– Просто... просто был тяжёлый день, – прошептала я, отводя взгляд.

Папа погладил меня по голове, и его прикосновение немного успокоило бурю эмоций внутри.

– Знаешь, – он вздохнул, – я всегда буду рядом. Всегда

поддержу тебя, в любой ситуации. Даже если её невозможно объяснить.

Его слова немного развеяли сковавший меня страх. Я прижалась к его плечу, чувствуя себя маленькой девочкой, нуждающейся в защите, и расплакалась. Впервые за этот ужасный день почувствовала, что могу дышать.

– Всё будет хорошо, – прошептал уверенно он. – Я обещаю.

Рядом с ним было спокойно. Слезы сменились усталостью, и я задремала. Но сквозь дрему почувствовала, как папа встаёт.

– Я буду рядом, – прошептал он, выходя из комнаты, аккуратно прикрыв дверь.

Постепенно комната погружалась в полумрак, свет бра отбрасывал мягкие тени на стены. Но спокойней от этого не становилось, каждая тень в комнате казалась живой и угрожающей. Я спряталась под одеяло, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди, и уставилась на плакат музыкальной группы, висевший на стене.

За стеной был слышен приглушённый разговор папы с мамочкой, и только от этого становилось немного спокойней. Я старалась занять себя – разглядывала узоры на обоях, рассматривала музыкантов с плаката, даже нашла общие черты с собой на одном из музыкантов. Но усталость постепенно брала своё, веки становились всё тяжелее.

Тело уже начало поддаваться, а сознание медленно уплы-

вало в темноту.

– Нет, не сейчас... – шептала я снова и снова, пытаюсь бороться с подступающим сном. От надвигающего кошмара спас звонок мобильного телефона. Я взглянула на часы – было уже около часа ночи. И кто же вспомнил про меня в столь подходящее для переговоров время?

– Да, – я хрипло произнесла в трубку, едва сдерживая дрожь в голосе.

– Алёна, как ты? – из телефона раздался голос Никиты. Его голос прозвучал как спасительный маяк в темноте, и я судорожно вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями.

– Никита... – прошептала я, чувствуя, как эмоции и страх начинают подступать снова.

– Тише, тише, – его голос звучал успокаивающе. – Я здесь, с тобой.

– Ты не представляешь, что произошло... – прошептала я, взглянув снова на багровый синяк на руке. Пальцы дрожали, когда я прижимала телефон к уху.

– Представляю... – его голос стал напряжённым. – И сейчас она была за моим окном.

– Это стрёмно! – чуть слышно прошептала я, поежившись. Представив, что она может появиться и у меня за окном, сразу же задернула шторы и снова залезла под одеяло.

– Она не была похожа на мёртвую, – прошептала я в трубку, нарушив затянувшееся молчание. В тишине слышалось наше дыхание – моё прерывистое, его – ровное.

– А мне даже не страшно, – произнёс Никита отрешённо, и от его тона по спине пробежал ледяной озноб. – Я вообще ничего не чувствую, даже сожаления. Словно кто-то выкрутил все эмоции на ноль. Знаешь, как будто ты всё ещё здесь, но уже не ты. И это пугает больше, чем она за окном.

– Мы должны кому-то рассказать, – прошептала я, сжимая одеяло в кулаке.

– Кому? – его голос звучал горько. – Родители скажут, что мы выдумываем. А если и поверят... что они могут сделать?

Я не знала ответа.

– Может, это пройдёт? – спросила я с надеждой.

– Не думаю, – ответил Никита. – Кажется, это только начало.

Мы помолчали, слушая дыхание друг друга.

– Давай завтра об этом поговорим? – вдруг произнёс Никита. – С глазу на глаз. По телефону такие вещи не обсуждаются.

– Давай, – согласилась я. – До утра так долго ждать. Страшно.

– Хочешь, я к тебе приеду? – предложил он.

– А вдруг это опасно, пока она там? Ты фильмы ужасов ни разу не смотрел, что ли?

– Трусиха, – было слышно, что он улыбается. – Завтра встречаемся...

Внезапно телефон пикнул – разрядился. Связь оборвалась. Супер! Просто супер! А главное, вовремя!

И впервые за этот ужасный вечер я почувствовала что-то, кроме страха. Злость. Горячая, обжигающая, как кипяток.

Я воткнула телефон на зарядку. Укутавшись в одеяло, я тихонечко прокралась в гостиную, включая телевизор. В надежде, что он поможет отвлечься.

Щёлкая пультом, перескакивая с канала на канал, я пыталась унять дрожь в руках. Мне даже удалось немного подремать, не попадая в тот кошмар. А когда папа и мачеха проснулись и стали собираться на работу, я наконец-то расслабилась и заснула без сновидений до момента, когда прозвенел будильник.

Как можно быстрее я собралась в школу и так же поспешно выскользнула из дома, стараясь не думать о том, что ждёт меня впереди.

Школьные коридоры ещё были пусты, когда я вошла в здание. Никита появился словно из ниоткуда, схватил меня за запястье и потащил в дальний угол школы, где располагались классы начальной школы. Старый кабинет, в который он завёл меня, сегодня был свободен от уроков.

Как только мы переступили порог, он резко отпустил мою руку. Его лицо выглядело измотанным, под глазами залегли тёмные круги – видимо, прошедшая ночь тоже далась ему нелегко.

– Привет, – выдавила я, прислонившись к краю парты. Попытка улыбнуться вышла жалкой и вымученной.

Тишина между нами становилась почти осязаемой. Я не знала, с чего начать разговор о том, что произошло вчера.

Никита медленно приблизился ко мне. Его тёплая ладонь накрыла мою руку, и моё дыхание сбилось от такой близости. Он аккуратно закатал рукав моей рубашки, обнажая синяк на запястье – след от пальцев Ольги.

– Я видел, как она схватила тебя, – произнёс он глухо и напряжённо.

Подняв глаза, я встретила с его пристальным взглядом. Он склонился ближе, его дыхание касалось моей кожи. В его глазах читалась целая гамма эмоций: тревога, беспокойство, что-то ещё, чему я не могла дать название.

Но внезапно он отступил, резко отвернувшись к доске, словно испугавшись собственной близости.

– «Они видят тебя», – повторила я её фразу, которая задела в голове. Эти слова эхом отозвались в пустом кабинете.

Никита повернулся ко мне, глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

– Вчера, после полуночи, уже собираясь ложиться спать, – он говорил монотонно и негромко, глядя чуть в сторону, и от этого его слова звучали ещё более жутко. – Я уловил еле различимый шёпот и стал искать источник шума. Подошёл к окну и увидел её. Ольга что-то нашептывала. Самое странное, что я даже не испугался. Наоборот, во мне стал появляться какой-то гнев. Я всё больше и больше злился на неё. И она поняла это. Минут пять мы стояли и смотрели друг

на друга, только вместо меня это она была напугана. Лицо её выражало ужас. Тогда в комнату постучалась мама, и я отвернулся от окна, а когда повернулся, её уже не было. Это просто жуть какая-то ненормальная! Все уверяют, что она умерла, а вчера она живее всех живых была. – покачал он головой, протирая уставшее лицо ладонями.

– Я слышала, что вчера говорили про какую-то редкую болезнь, – проговорила я дрожащим голосом.

– Да-да... – скептически протянул Никита. – Т-вирус, делающий из человека зомби.

– Или Вуду! – подхватила я, пытаюсь придать голосу лёгкость, хотя внутри всё сжималось. – Решила связать свою жизнь с тобой через магию вуду.

– А ты тогда причём? – поинтересовался он всё ещё со скепсисом, скрещивая руки на груди.

– Потому что я единственная девушка, с кем ты общаешься хорошо, не переспав. Девичья зависть, – я пожалала плечами, пытаюсь разрядить обстановку слабой улыбкой.

– Нет, тут что-то посерьёзней прикладной магии, – он отошёл к окну, прислонившись к подоконнику, и стал что-то выводить на нём пальцем. – Что-то серьёзней...

– Тогда что это может быть? – спросила я.

Никита молчал. Его пальцы продолжали выводить невидимые рисунки на подоконнике, словно он пытался разгадать сложную головоломку. Внезапно за дверью послышались шаги. Мы замерли, посмотрев друг на друга. Вре-

мя словно остановилось, пока звук приближающихся шагов не растворился в шуме школьного коридора.

– Нам нужно найти ответ, – прошептал Никита. – И быстро. Потому что то, что происходит, намного страшнее любого вуду. Часто у вас происходят странные вещи?

– Например? – поинтересовалась я, пожав плечами. – Мёртвых школьниц, расхаживающих по улицам, не наблюдалось раньше. Точно Вуду! Я смотрела фильм, где девка убила себя, чтобы отомстить своим одноклассникам за унижения. Всё сходится.

Никита, повернувшись ко мне, скрестил руки на груди и не моргая разглядывал меня какое-то время.

– Собаку расчленил какой-то местный бомж, решивший сделать из её частей вяленое мясо, а иероглифы написал его внук. Просто баловался... – начал он, его голос звучал всё более недоверчиво. – Дальше... странные неподвижные фигуры – это просто игра света и теней. Станный вакуум без звуков... просто нужно меньше слушать музыку в наушниках... А мёртвая школьница – чей-то пранк. Ой... да ничего странного... – иронично закончил он.

– Тоже логично, – согласилась устало я. – Ладно, сдаюсь. А ты думаешь, эти события связаны?

Никита только пожал плечами, его взгляд стал каким-то отстранённым. Прозвенел звонок на урок, я начала собираться, но парень будто не услышал его.

– Вокруг происходило странное, когда ты была там, –

вдруг произнёс он, нахмурившись. – Почему это произошло, когда именно ты зашла? Почему никто этого не заметил? Вдруг ты в опасности...

От его слов пробежали мурашки по коже. Я застыла, рассматривая его растерянное лицо.

– Ладно, надо будет понаблюдать. Вдруг это разовое событие. Вдруг ты права, ничего странного не происходит, а Ольга умерла от болезни, – пробормотал Никита себе под нос. Он подошёл к своему рюкзаку и набросил лямку на плечо. – Пойдём на урок, а то тебе объяснительную писать придётся за опоздание.

– Я бы уж лучше прогуляла, – вялым движением я стянула свой рюкзак с парты и поплелась за ним. – Я сама себе вчера поставила ещё и клеймо «чокнутого фрика».

– Будь, пожалуйста, аккуратней, – попросил Никита, его голос звучал почти нежно. Я вопросительно посмотрела на него, не понимая, к чему он мне это сказал. Заметив моё замешательство, он пояснил:

– Даже Вуду может серьёзно навредить.

– Ты переживаешь за меня? – удивилась я. – Это мило.

– Кто ещё тебя будет опекать, как не я? – слегка улыбнулся он, обняв меня за плечи. – Пойдём гранит науки грызть.

Мы вошли в класс. Натальи Михайловны ещё не было, я вздохнула с облегчением – объяснительную писать не придётся.

– Алёнка, вернись в шоколадку, – раздался голос Антона

на весь класс, как только я зашла вслед за Никитой. – А лучше сразу в психушку.

Весь класс разразился хохотом. Антон тоже усмехнулся, выверенным жестом поправляя чёлку.

– Очень остроумно, – язвительно ответила я.

К счастью, вслед за нами зашла учитель, и всё веселье тут же стихло. Но я всё равно заметила странные взгляды, которые бросали на меня одноклассники. Их шёпоты и переглядывания только усилили чувство изоляции. Что ж, остаётся только терпеть, в надежде, что в конце концов всё это забудется.

Глава 6

Со смерти Ольги прошло уже девять дней, и она нас больше не беспокоила. Мы с Никитой больше не поднимали тему того, что произошло, словно ничего не было. Я даже начала верить, что всё это могло мне померещиться, и, возможно, у меня на самом деле что-то не так с головой. Тем более слухи о моей «ненормальности» с каждым новым днём разрастались как снежный ком. Сначала это были тихие перешёптывания за спиной, потом косые взгляды, а теперь уже половина школы обсуждала мои «психические отклонения» на каждом углу.

Каждый раз, проходя по школьным коридорам, я слышала, как шёпоты становились громче, смешки – откровеннее. И с каждым днём мне всё труднее было сохранять остатки самоуважения.

В голове крутились мысли о том, что, возможно, мне действительно нужна помощь. Может, это какой-то странный психоз, и я очень больна? Но что, если всё было по-настоящему? Что, если это только начало?

Эти вопросы не давали мне покоя ни днём, ни ночью. И с каждым новым днём я всё больше убеждалась в одном: правда где-то посередине. Или я действительно схожу с ума, или... или что-то гораздо более страшное начинает разворачиваться прямо у меня перед глазами.

Я шла на первый урок, погружённая в свои душевные страдания, когда внезапно из-за угла вылетела разъярённая фигура Антона.

Он налетел на меня как ураган, схватил словно тряпичную куклу и впечатал в стену с такой силой, что из лёгких вышибло весь воздух. Его лицо исказилось в злобной гримасе.

Я замерла от неожиданности, чувствуя, как его пальцы впиваются в мои плечи с пугающей силой. Антон был не просто зол – он был в ярости, и его гнев был направлен прямо на меня. Но что могло вызвать такую реакцию? Что я сделала не так?

– Ты, дура тупая, совсем рехнулась?! – в его голосе звучала неприкрытая ненависть. – Думаешь, переодевшись в Ольгу, ты меня испугаешь?! Не на того напала, идиотка! – он продолжал удерживать меня у стены.

– О чём речь? – я попыталась выдохнуть, но он с силой сжимал мои плечи, так что я не могла двинуться.

– Не прикидывайся, что ничего не понимаешь! – его голос звучал как шипение змеи, разносившееся по школьным коридорам. – Я знаю, что это была ты! Ты больная! Ты всё устроила!

В его глазах было презрение и что-то ещё... страх?

– Предупреждаю, еще раз тебя увижу рядом с моим домом, убью!!! – эти угрозы были полны решимости. – Ты меня поняла?! – Антон тряхнул меня с такой силой, что моя спина с глухим стуком врезалась в стену. Перед глазами вспыхнули

искры, дыхание перехватило от боли.

– Ты поняла меня?! Поняла?! – продолжал он трясти меня, словно куклу.

– Лечись, придурок, – выдавила я сквозь стиснутые зубы, пытаюсь сохранить остатки достоинства.

– Что ты сказала?! – его хватка стала еще крепче, пальцы впились в кожу до синяков.

На фоне раздался звук приближающихся шагов, и в следующую секунду Никита буквально выдернул меня из его захвата. – Ты что творишь?! – его голос звучал холодно и решительно.

Одним мощным движением он оттолкнул Антона, тот пошатнулся, но удержался на ногах. Его лицо исказилось от злости, но он не решился ответить. – Ты как? – переключился на меня Никита, я качнула головой, нормализуя дыхание. – Скажи своей ненормальной подруге, если она ещё раз подобное вытворит, то церемониться с ней я не буду! – наконец проговорил Антон, пятившись назад, – Догоню и сразу голову оторву!

Никита бросил на меня короткий взгляд, и я едва заметно кивнула, показывая, что понятия не имею, о чём идёт речь. В следующее мгновение он молнией метнулся к Антону, схватил его за грудки и буквально втащил в соседний класс. Я поспешила следом, чувствуя, как колотится сердце.

– Теперь спокойно и по порядку, – скрестив руки на груди, мой спаситель встал у входа. – Вчера вечером эта идиот-

ка... – начал объяснять Антон с фырканьем, – переодевшись в Ольгу, стояла прямо у меня за окном! Я ясно видел её, она там весь вечер торчала, как психопатка!

Никита и я переглянулись. Значит, она не оставила своих игр! И теперь её внимание переключилось на Антона. Её список расширяется...

– Слушай, – начал Никита, его голос был спокойный, но в нём звучала скрытая угроза. – Допустим, что мы с ней весь вечер были вместе, а не возле твоего дома, как ты тут утверждаешь. У нас были дела поважнее, чем устраивать для тебя маскарад.

Я удивлённо посмотрела на него. Что-то не припоминаю такого. Но по его взгляду было видно, что он не хочет, чтобы я вмешивалась.

– Да ладно, неужели, и она тоже?! – Антон выглядел ошарашенным. – Зачем оно тебе нужно?!

Вот, значит, как? Интересно, чем же я хуже других девочек?! Что во мне не так?! Поджав губы, я покачала головой, отведя взгляд от них.

– Неважно, – отмахнулся Никита. – Так ты уверен, что видел именно Алёну? – Ну, – задумался Антон. – Она была больше похожа на Ольгу. Но её же похоронили, так что это не она. Своими же глазами видел, как её закапывают. – И ты решил, что раз это не Ольга, то однозначно Алёна. Больше никому! – развёл руками Никита. От концентрации сарказма в его голосе краска на стенах могла хлопьями осыпаться,

наверное. – Никто здесь больше не живёт.

– Не могу поверить, что ты с ней... – Антон покачал головой, его взгляд метался между нами.

Видимо, это было интересней призрака.

– И что с того? – с вызовом вмешалась я.

– Да ты стрёмная! – с отвращением разглядывал меня Антон. – Среди пацанов есть негласное правило с тобой не иметь никаких дел. Спроси у Макса, почему он с тобой общаться не захотел. Думаешь, из-за Катки?

Ничего себе правило!

– Она не стрёмная, – вмешался Никита. – И правила такого нет.

– Тебе просто об этом не говорил никто. Все думали, что ты не спутаешься с ней, – усмехнулся Антон.

– Ты, в следующий раз, выйди и поговори со мной, когда я окажусь возле твоего дома, – процедила я, сжимая кулаки, чувствуя, как внутри закипает злость. – Можешь даже по физиономии проехать!

Развернувшись, я решительно направилась к выходу, но Никита удержал меня за руку. Его прикосновение было прохладным и успокаивающим, но я вопросительно посмотрела на него.

– Именно так и поступлю, – отозвался Антон.

– Посмотрим, насколько ты крут, – продолжила я, развернувшись к нему, не желая уступать.

– Пройдусь по тебе, что папаша твой не узнает.

Вероятно, он придерживался того же принципа – не уступить мне.

– Да ты только угрожать и можешь! – усмехнулась я, поджав губы. – Орёл в курятнике. Иди, нарвись на кого-нибудь другого, кто тебе с лёгкостью физиономию намылит.

Встав между нами, Никита произнёс тоном, не терпящим возражений:

– Заканчивайте, – он повернулся к Антону. – Предположи, что это и была Ольга! Почему она к тебе пришла?

– Мне откуда знать, – безразлично пожал плечами Антон.

– Нам нужно понять, что нас связывает, – покачал он головой.

– Ты о чём? – не понял Антон.

– Связывает нас то, что мы все одноклассники, – выпалила я, пытаюсь собрать мысли в кучу.

– Вы оба чокнутые! – бросил Антон с надменной усмешкой.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и в проёме появилась директриса. Её суровый взгляд мгновенно заставил всех замереть.

– А, так вы тут! – произнесла она строгим голосом. – Прогулять надумали? Немедленно на занятия!

Антон бросил на нас последний презрительный взгляд и вышел из класса.

– Не убегай сразу домой после уроков, – прошептал Никита, задержав меня за руку. Его дыхание было тёплым на мо-

ём ухе. – Я читал о вуду. То, что происходит – не магия.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Вам особое приглашение нужно? – недовольно проворчала Людмила Викторовна, стоя в дверях. Мы переглянулись и вышли в коридор, направляясь к классу.

– Я после уроков занимаюсь в музыкальном, – прошептала я, слегка повернув голову к Никите.

Директриса, словно надзиратель, шла за нами, явно решив не спускать с нас глаз. Она открыла дверь класса и, пропустив нас внутрь, поприветствовала Римму Максимовну, после чего закрыла дверь.

Я бросила взгляд на Антона, который что-то оживлённо рассказывал Маше. Та смотрела на меня с неприкрытым удивлением.

Учительница вручила нам листки с контрольной работой. Её движения были какими-то механическими, словно она находилась где-то далеко отсюда. Взгляд Риммы был потерянным, что-то в её поведении казалось странным, совсем не похожим на обычную уверенную в себе преподавательницу.

В коридорах школы, как обычно, царил суета после уроков, но ни одного шёпота о нашей стычке я не услышала. Антон, судя по всему, решил держать наш разговор при себе. Что ж, весьма неожиданно – обычно он не упускал возможности подкинуть немного инфопова.

С Никитой мы обменивались дежурными фразами, словно утром ничего не произошло. После уроков его и след простыл – видимо, действительно забыл о своём предложении задержаться.

Я же решительно направилась в музыкальный класс. Пальцы до сих пор слегка дрожали от напряжения, и я надеялась, что работа с этюдом поможет успокоиться. Может быть, музыка поможет разобраться в этой странной истории, которая всё больше запутывалась вокруг нас.

В пустом классе царила тишина, нарушаемая лишь тиканием старых часов на стене. Я устроилась за фортепиано, разложила ноты и глубоко вздохнула, готовясь погрузиться в мир звуков, где, как мне казалось, можно было найти ответы на все вопросы.

Звуки, которые должны были успокоить и упорядочить мысли, теперь лишь раздражали своей механической точностью. Они эхом отдавались в пустом классе, подчёркивая моё смятение и тревогу. Пальцы продолжали механически выстукивать ноты. Я закрыла глаза, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли, но вместо этого перед внутренним взором всплывали обрывки тех необъяснимых происшествий. Музыка, которая должна была стать моим спасением, теперь лишь подчеркнула, насколько сильно пошатнулся привычный мир.

– Неужели ты не проигнорировала нашу свиданку, – вдруг раздался голос Никиты.

Вздвогнув, я открыла глаза.

– У нас свиданка? – улыбунулась я удивлённо.

– Деловая встреча, – деловито поправился он. – Хорошо играешь. Мне понравилось.

– Спасибо... Вот бы учительница тоже так думала.

Я подняла глаза и встретила с его внимательным взглядом. В этот момент мои пальцы замерли над клавишами, а музыка затихла, оставив после себя лишь эхо последних аккордов, растворяющееся в тишине пустого класса.

– Я же сказала, что они здесь, – заглянула в класс Маша. – Лучшего места для уединения в школе нет. Мы же вам не помешали?

– Ну... – задумался Никита.

Антон, не дожидаясь ответа, уверенно прошёл к свободному стулу и плюхнулся на него, небрежно закинув ногу на ногу. Маша села рядом с ним.

– Как раз закончила, – пробормотала я, поспешно захлопывая нотную тетрадь и собираясь встать. Лишний раз общаться с Антоном мне не хотелось, но Никита удержал меня за плечо, и я с удивлением подняла на него взгляд.

– Короче, – Антон решил перейти сразу к делу. Никита отошёл от меня, а я осталась сидеть перед чёрно-белыми клавишами. – Как ты думаешь, что это может быть?

– Мы же чокнутые, – напомнил его слова Никита. Я развернулась, посмотрев вопросительно на него, решая, нужно ли ещё кого-то подключать к нашим предположениям.

Антон, не замечая нашего молчаливого обмена взглядами, нетерпеливо постукивал пальцами по поверхности парты.

– Может, и чокнутые, – протянул он, – но это не объясняет того, что произошло вчера. А вдруг это и была Ольга. Это же безумие! – Она тебя выбрала, – не удержалась я, сделав загадочней голос. – И ты будешь следующим.

– Следующим в чём? – встревоженно уточнил Антон.

– Она шутит, – прояснил Никита, проверяя уведомление на смартфоне.

Антон недовольно посмотрел на меня, я, мстительно ухмыляясь, развела руками, наслаждаясь моментом его замешательства.

– Она и ко мне приходила, но со мной ничего не случилось, – начал Никита, раньше, чем Антон придумал ответную подколку. – Девять дней прошло после её появления. Думал, что больше и не появится. Подумай, почему она к тебе приходила? Должна быть какая-нибудь причина.

Антон на мгновение задумался, его взгляд стал более напряжённым, а затем он покачал головой:

– Не знаю.

Дверь приоткрылась, и в класс зашла Римма Максимовна. Её обычно строгое лицо сейчас выглядело непривычно смущённым, словно она впервые в жизни не знала, как начать разговор. Из всех учителей она была самой строгой и беспристрастной, с какой-то особенной деликатностью, но мне нра-

вилось наблюдать за ней на уроках. У неё была загадочная улыбка, которая напоминала мне улыбку Джоконды, с той же лёгкой, едва уловимой грустью в уголках губ. Говорили, что в свои тридцать пять она так и не смогла стать матерью, и это придавало её образу ещё больше трагичности и глубины.

– Ребята, – проговорила она, медленно проходя в класс. Её голос звучал непривычно мягко. Мы замерли, впившись в неё напряжёнными взглядами. – Сегодня утром я услышала кое-что... необычное, – пояснила она, – Речь идёт об Оле Фиалкиной.

В классе повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только тиканьем часов. Римма Максимовна, казалось, ещё больше смутилась под нашими пристальными взглядами, но взгляда не отвела, продолжая изучать нас своими пронизательными глазами.

– Дело в том, что она вчера и ко мне приходила, – продолжила неуверенно учительница. – Просила впустить её в дом. Сначала я подумала, что кто-то меня разыгрывает, и стала вглядываться в неё. Самое странное... и страшное, её глаза были почти полностью чёрными. Чем больше я слушала её, чем больше пыталась разглядеть, тем меньше осознавала свои действия. Я словно в туман провалилась, а тело действовало само собой, я его не контролировала. Ещё чуть-чуть, и я бы сама впустила её в дом, но меня остановил муж. Он её не увидел и задернул шторы. Ещё минут пять я стояла в ступоре перед задернутым окном. Лишь только разговоры

мужа, шум от телевизора и звонящий телефон, вывели меня из коматозного состояния.

Я взглянула на Никиту. Он задумчиво покусывал нижнюю губу, его лицо было серьёзным и сосредоточенным, словно он пытался соединить разрозненные фрагменты событий в единую картину.

– А почему ты её не впустил? – вдруг обратился он к Антону.

– Слушал музыку в наушниках, – пожал плечами тот. – И к тому же я её не рассматривал, просто разозлился на Алёну и сам задернул шторы.

Римма Максимовна растерянно рассматривала парней.

– Получается, нет никакой связи между нами, – задумчиво протянул Никита. – Уже неделю я не вылезая из мифов о сверхъестественных существах, ничего подходящего нет.

– Может, вампиры? – предположила Маша. – Раньше в книгах писали, что они не могут войти в жилище без разрешения хозяев, и они хорошие гипнотизёры.

– Нет, – покачал головой Никита. – Тут, похоже, что-то посерьёзней привычных фольклорных злодеев.

– А может, мы просто сошли с ума, – озвучила я мысль, о которой каждый думал, но никто не осмеливался об этом сказать. – Что если это обычный полёт фантазии, и мозгу так легче справляться со стрессом? Или коллективная истерия? Или массовый психоз...

– Или Вуду, – с улыбкой добавил Никита.

Я не смогла сдержать улыбки – его подколка была очевидна.

– В смысле – Вуду? – вмешалась Маша.

Никита лишь отмахнулся, не желая вдаваться в объяснения.

– Что-то вокруг происходит, и это факт, – уверенно заявил он. – Это чувствуется в воздухе. И чем раньше мы сообразим, что происходит, тем лучше.

– Моя хорошая знакомая увлекается магией, – вдруг произнесла Римма Максимовна. – Могу попросить у неё пару книг и посмотреть, может, там что-то подобное есть, и...

Не успела она закончить фразу, как резкий звук разбитого стекла и пронзительные крики оборвали её на полуслове.

Страх накрыл меня ледяной волной, перехватив дыхание и сковав движения. Остальные застыли, словно превратившись в статуи.

Первым пришёл в себя Никита. Он рванулся в коридор, увлекая за собой Римму Максимовну. Прямо напротив музыкального класса находился класс первоклашек. Дверь в него была распахнута настежь, и сильный порыв ветра ударил мне в лицо. Никита и Римма Максимовна, обменявшись быстрыми взглядами, ворвались внутрь. Антон и Маша поспешили следом. Я же осталась в дверях, чувствуя, что сердце бьётся как сумасшедшее.

Возле доски лежала без движения наша уборщица, тётя Шура, вокруг неё растекалась мыльная вода из опрокинуто-

го ведра. Римма Максимовна склонилась к женщине, пощупала пульс и начала делать искусственное дыхание. Никита тем временем звонил по телефону, а Маша, прижавшись к Антону, с ужасом смотрела на происходящее, пряча лицо у него на груди.

Бросив трубку, Никита принялся помогать Римме Максимовне. Антон, растерянный и бледный, пытался успокоить Машу, но его собственные руки тряслись, выдавая охвативший его ужас. Я зашла в класс и прижалась к стене, не решаясь пройти дальше, чувствуя, как ледяной ужас сковывает внутренности.

Последующий час превратился в бесконечность, наполненную холодом и ужасом. Мы с Машей сидели в углу коридора, напротив входных дверей, крепко обняв друг друга. Наши сцепленные руки дрожали, выдавая то, как сильно мы нуждаемся в поддержке после пережитого ужаса. Мы молча глядели перед собой. Время словно остановилось, а тишина давила на уши, делая пережитый ужас ещё более реальным.

Первой приехала Людмила Викторовна и увела к себе Римму Максимовну, следом – наша завуч с мужем. Вокруг школы собирались зеваки, перешептываясь и тыча пальцами в окна. Наконец подъехала скорая, за ней – полицейская машина. Школа снова наполнилась шумом и движением: топот ног, приглушённые разговоры, хлопанье дверей. Вместо учеников по коридорам сновали медики и полицейские.

Врачи, осмотрев тело тёти Шуры, только развели руками –

признаков насильственной смерти не обнаружено. Причина смерти будет ясна после вскрытия. Полицейские, услышав эти предположения, быстро свернули свои блокноты и надолго не задержались.

Спустя какое-то время Людмила Викторовна отпустила нас по домам, но только в сопровождении родителей. Папа пришёл за мной, его обеспокоенный взгляд говорил больше, чем любые слова. Он не задавал вопросов – и это было к лучшему. В моём состоянии я могла лишь бессвязно шептать обрывки фраз, пытаясь справиться с нахлынувшей паникой.

Глава 7

После случая с тётей Шурой в школе на пару дней отменили уроки.

В преддверии двух дней одиночества я думала, чем себя занять так, чтобы не вспоминать тот душераздирающий крик. В первый день мачеха заставила меня сажать на огороде кукурузу. Сказала, что огород ждать не будет, и «день год кормит». Происходящие события её вообще не волновали, она вела себя как ни в чём не бывало. Утром мне было указано, куда сажать кукурузу, как убираться в доме и что готовить на обед. Как «хорошая девочка», я проводила её на работу и вежливо пожелала удачного дня.

На завтрак я пожарила сырники с вареньем и налила горячий кофе с молоком. Это был первый раз за долгое время, когда ко мне пришёл аппетит, мне хотелось простого уюта. Простые радости вдруг стали особенно ценными. Ближе к обеду пришёл папа, который сразу после еды ушёл в гараж. Я решила сначала сделать уроки, а потом уже заняться огородом.

В итоге в огород я вышла лишь к первым сумеркам. Несколько первых рядков кукурузы были посажены успешно, но потом мне послышался странный звук. Подняв голову, я оцепенела: передо мной стояли Оля, тётя Шура и ещё несколько односельчан. Их глаза были пустыми провала-

ми, а губы что-то шептали. Чаша с семенами выскользнула из дрожащих рук.

Призраки плавно двинулись в мою сторону. Я попятилась назад, но, как назло, зацепилась о тяпку и упала в грядку, сломав при этом теплицу с помидорами. Какая ирония... Их шёпот становился всё громче, заполняя пространство вокруг. Холод пробирал до костей, тело парализовало. Они приближались, оставалось всего несколько шагов. Инстинкт самосохранения взял верх: я вскочила и бросилась к дому.

Захлопнув дверь, я прижалась к ней спиной. Грудь сжимало стальными тисками, каждый удар сердца отдавался в висках острой болью. Дыхание стало прерывистым и хриплым, будто кто-то невидимый сжимал моё горло. Пальцы были ледяными и совершенно не слушались, а по всему телу пробегала противная дрожь. Казалось, что страх проник в каждую клеточку моего тела, парализуя и лишая способности думать.

– Алёнка, это ты? – донёсся спокойный голос папы из гостиной.

– Да, – я пыталась совладать со своим страхом, но тело колотило.

Я забежала в свою комнату и схватила телефон, дрожащими пальцами набирая номер Никиты. Но он был вне зоны действия. В сердцах я швырнула телефон на стол, а сама рухнула на кровать, уткнувшись лицом в подушку и стараясь не смотреть в сторону окна. Каждая клеточка тела всё ещё

дрожала от пережитого ужаса, и я боялась пошевелиться.

– Просила же тебя сделать совсем немного! – в комнату влетела мачеха. К этому моменту я уже не могла понять, что со мной произошло. И было ли это реальностью. – Мало того, что ты не смогла сделать элементарное, так ещё и теплицу сломала! Ты мне назло что ли?!

Её лицо покраснело от злости, глаза метали молнии.

– Ничего из тебя не выйдет толкового, и закончишь как твоя мамаша, пьяная под забором! – продолжила она язвительно.

– Извини, – тихо прошептала я, не желая усугублять конфликт.

– Извини?! – с сарказмом переспросила она. – Ты мне теплицу сломала!!! Делай что хочешь, но завтра чтобы всё было сделано!

– Хорошо, – едва слышно ответила я, чувствуя, как ком подкатывает к горлу.

– Я тебя предупредила, – угрожающе прошипела она, развернулась и вышла из комнаты, с силой хлопнув дверью.

Только после её ухода я смогла немного успокоиться, зашторить окно и включить все источники света в комнате. Но чувство панического страха ещё долго не покидало меня, заставляя вздрагивать от каждого шороха.

Следующий день мы с папой провели в огороде. Его спокойное присутствие дарило мне чувство защищённости. Пока он аккуратно чинил разбитую теплицу, я сажала кукуру-

зу, стараясь не думать о вчерашнем кошмаре. Солнце ласково припекало спину, а свежий воздух постепенно развеивал остатки страха. К вечеру, закончив все дела, я снова набрала Никиту, но его телефон по-прежнему молчал.

В первый учебный день после этих выходных нас по обыкновению собрали на линейку, объявив, что уроки сокращаются, а каникулы начнутся на несколько дней раньше. Но от практики нас никто не освободил. Сама линейка прошла быстро и сильно отличалась от всех предыдущих. Нам не стали забивать уши никому не нужными объявлениями, а буквально за пару минут сообщили всё, что нужно, и распустили по классам.

В школе царил суёт. Все спешили уйти пораньше, обсуждая предстоящие каникулы и недавние трагические события. Кто-то пытался найти связь между смертями. На уроках стояла непривычная тишина – никаких шуток и смеха. Антон и Маша держались вместе, отстранившись от остальных.

Никита так и не появился в школе, от него не было никаких вестей. Надо же, я даже не заметила, как он стал важной частью моей жизни. Я чувствовала себя невероятно одинокой, осознавая, что мне даже поговорить не с кем было. В этом безмолвии, казалось, я потихоньку схожу с ума.

Исключением были вечера, когда папа приносил мне кучу успокоительных средств. И практически сразу уходил, слов-

но боялся меня. Лекарства особо не помогали, я практически перестала спать, а если мне и удавалось заснуть, то всё равно просыпалась в слезах от собственного крика. Уже и мачеха перестала придираться из-за всякой ерунды и старалась не трогать меня лишний раз. Раньше с ней можно было хотя бы поспорить – это всё-таки одна из форм диалога. А сейчас угнетающее молчание. Меня словно не существовало. Меня даже на уроках не спрашивали. Я стала тенью самой себя.

Время словно застыло, превратившись в бесконечный поток кошмаров и тишины. Мои руки постоянно дрожали, а в глазах часто темнело от недостатка сна. Я замечала, как начинаю терять связь с реальностью – иногда мне мерещились странные тёмные фигуры рядом с собой, слышался их шёпот. По ночам я ощущала на коже лёгкое дуновение, будто кто-то стоял у моей кровати, вглядываясь в моё лицо. В полумраке комнаты контуры предметов искажались, превращаясь в причудливые силуэты. Я слышала тихий смех, доносящийся из пустых углов, и чувствовала чьё-то присутствие, хотя там никого не было.

В зеркале я замечала движение краем глаза – будто кто-то стоял за моей спиной, но оборачиваясь, никого не видела. Моё отражение казалось искажённым, черты лица расплывались, как на плохо сфокусированной фотографии. Эти видения становились всё более навязчивыми. Я различала шёпот множества голосов, доносящийся из-под земли, заме-

чала тёмные фигуры, мелькающие между деревьями в саду. Иногда мне чудилось движение в углах комнаты – будто что-то тёмное и бесформенное наблюдает за мной, исчезая, как только я пытаюсь разглядеть его внимательнее. Все эти галлюцинации пугали меня ещё больше, заставляя ещё глубже замыкаться в себе.

Мир вокруг словно замедлился, превратившись в бесконечную череду серых дней. Мысли в голове кружились, как заезженная пластинка, не давая покоя. Аппетит пропал, чтение не привлекало, я просто бесцельно сидела в углу кровати, не понимая, что делать дальше. Моё состояние становилось всё хуже, и я понимала – без посторонней помощи мне не справиться. Но помощь всё не приходила, и я продолжала одна тонуть в этом море одиночества и отчаяния.

Но дни шли своим чередом – учёба закончилась незаметно, и настала пора практики.

Я шла по пустынному коридору в сторону учительской, где должна была отдать отчёт по проделанной работе на практике. В школе почти никого не осталось. Коридор казался бесконечным, его стены словно давили на меня, а каждый шаг отдавался гулким эхом в тишине. Внезапно меня схватила чья-то сильная рука и затащила в раздевалку. Оказалось, это был Максим, который не пришёл на сегодняшнюю практику.

– Ты что нормально позвать не мог?! – толкнула я его в грудь, пытаюсь унять дрожь в голосе.

– Тс-с-с, – его лицо было напуганным. – Вокруг они. Они нас контролируют.

Выглядел он не совсем адекватно.

– Инопланетяне, что ли? – я прищурила глаза, пытаюсь скрыть нарастающую тревогу.

– Шутишь... – иронично произнёс он. – Ну, шути дальше! Ты думаешь, что тётя Шура умерла?!

Так, так, так, а это уже интересно. Я уставилась на Макса, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия. Видя мою заинтересованность, он продолжил:

– Я был на её похоронах, она не выглядела мёртвой, точь-в-точь как Ольга. А вчера я видел её. Она стояла в тени дерева напротив моего дома и в упор смотрела на меня. Мне кажется, она знала, что я наблюдаю за ней. Её отвлёк наш сосед, он вышел из двора и что-то ей сказал... – Максим замолчал, уставившись на пол. Я заметила, как он сжал дрожащие руки в кулаки. Глубоко вздохнув, он продолжил, – началось что-то жуткое... Она схватила его за грудки, а он даже не сопротивлялся...

Друг помолчал, переводя дух, его взгляд стал стеклянным.

– Там был кто-то ещё, – продолжил он, уставившись на меня в упор растерянно. – В тени дерева. Я так и не смог разглядеть тот силуэт, но он был. Вокруг них воздух словно потемнел, я с трудом мог разглядеть их очертания. Всё произошло так быстро... Когда я опомнился, никого вокруг уже

не было. Я побежал к соседу, но его не было дома. Всё было открыто, но его не было! Ни возле дерева, нигде. Сегодня с утра я зашёл к нему снова, но всё осталось так же, как и вчера вечером, только во дворе не оказалось никого! Ни гусей, ни его придурковатого пса, совсем никого. Я не сумасшедший! Вокруг происходит какой-то кошмар. И я мог позвать кого-нибудь на помощь, но мне стало страшно!

Его слова повисли в воздухе, и это заставило моё сердце биться чаще. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, а в голове начинает пульсировать. Что-то в его рассказе было настолько знакомым... что я не могла отмахнуться от него как от бреда.

Внезапно в кармане завибрировал телефон – незнакомый номер на экране удивил.

– Да?

– Слушай внимательно, – раздался голос мачехи, в её голосе было что-то необычное и неестественное. – Немедленно домой! Поняла?!

Её тон заставил меня поёжиться. Что могло произойти настолько серьёзное, что даже она отбросила свою обычную неприязнь?

– Что... что случилось? – всё же спросила я, хотя знала – ответа, вероятно, не получу.

– Папа не вернулся домой и не отвечает!

Телефон отключился. Я посмотрела на Максима, который внимательно следил за выражением моего лица.

– Что стряслось?

Его вопрос словно застрял в воздухе, а мой взгляд вдруг перестал фокусироваться. В голове пронеслась тысяча мыслей. Пальцы, сжимающие телефон, похолодели, а дыхание стало прерывистым.

– Что-то с папой... – прошептала я, чувствуя, как голос дрожит.

Каждое слово давалось с трудом, будто кто-то невидимый сжимал горло ледяными пальцами. Перед глазами поплыли тёмные пятна, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Я с трудом сглотнула ком, застрявший в горле, пытаюсь сдержать подступающие слёзы.

– Что именно? – его голос доносился словно издалека, сквозь плотный туман страха, окутавший меня.

Я лишь покачала головой, не в силах вымолвить ни слова. Горло сдавило спазмом, а в ушах стоял гул. Казалось, весь мир сузился до этой фразы, до этого страшного «что-то с папой», которое теперь эхом отдавалось в моей голове, превращаясь в бесконечный кошмар.

– Может, мне пойти с тобой? – его предложение прозвучало искренне.

– Нет, – я помотала головой. – Отнеси отчёт, пожалуйста, – сунув бумаги ему в руки. – Сначала я должна понять, что там происходит. Позвоню тебе позже.

Не теряя больше ни секунды, я выбежала из раздевалки. Коридор всё так же пустовал, и я почти бежала к выходу.

Всё моё существо заполнил ужас, ледяной волной накрывший сознание при мысли о папе. Что могло случиться? Почему мачеха не сказала ничего конкретного? «Что-то происходит», – подумала я, выбегая на улицу. – «И всё это как-то связано между собой».

Перейдя на бег, я мчалась по улице, не разбирая дороги. Деревья, дома, машины – всё сливалось в одно размытое пятно перед глазами. Дыхание становилось всё более прерывистым, лёгкие горели, но я продолжала бежать, подгоняемая страхом и отчаянием.

Каждый шаг отдавался глухим стуком в голове, каждый вдох давался с трудом. Но я не могла остановиться, не могла замедлить шаг. Нужно было добраться до дома, узнать, что случилось с папой, убедиться, что с ним всё в порядке.

Залетев к себе во двор, я остановилась, чтобы отдышаться. Но в уши ударила непривычная тишина. Я подняла взгляд, осматриваясь вокруг. Во дворе никого не было – ни привычного пса, чья цепь теперь безжизненно валялась у будки, ни кур у курятника.

Вспомнив слова Максима, я почувствовала, как ужас сжимает горло беспощадной хваткой, заставив поспешить в дом. Внутри царило неестественное безмолвие, от которого по спине пробежал неприятный холодок. Сделав пару шагов по коридору, я заглянула на кухню, и комната встретила меня пустотой.

На плите стояла кастрюля, из которой валил пар, создавая

причудливые узоры в воздухе, а рядом на разделочной доске лежал целый кочан капусты и небольшая горка нашинкованной. Выключив газ трясущимися руками, я замерла, пытаюсь унять колотящееся сердце. Но беспокойство заставило идти дальше по дому, замечая мельчайшие детали: пыль на полке, сдвинутый коврик, приоткрытое окно – всё казалось зловещим и неправильным.

В гостиной также было пусто, только телевизор работал, создавая иллюзию присутствия людей. Каждая секунда усиливала ощущение надвигающейся беды, и я уже не могла контролировать учатившееся дыхание. Тревога нарастала, словно снежный ком, заполняя каждую клеточку тела страхом, от которого подкашивались ноги и темнело в глазах.

Я направилась в сторону спальни отца, но стоило мне приоткрыть дверь, как из комнаты повеяло ледяным холодом и затхлостью. Собрав остатки мужества, я заглянула внутрь: в глаза сразу бросилось лежащее на кровати тело мачехи, которое будто плавилось, превращаясь в зловонную жижу. На её теле были выжжены странные светящиеся символы, которые пульсировали в такт биению моего сердца. Вокруг них кожа таяла, делая их ещё отчётливей, словно письма были живыми.

В оцепенении я сползла вдоль стены, обхватив колени. Тело билось мелкой дрожью, и я опустила голову на колени, уставившись в пол, чтобы не видеть ужасную картину. Как странно: утром человек был жив, а теперь его нет...

Где же папа? И кто звонил по телефону? Зачем? Неужели пришла и моя очередь?

Мне отчаянно хотелось проснуться в своей кровати, чтобы всё было как прежде. Мачеха снова будет кричать и ругаться, проклиная день моего рождения, а отец прятаться подальше от её гнева. Всё как обычно... Хотелось верить, что это просто кошмар, и жизнь продолжится. Но реальность была жестокой – всё происходило на самом деле, и ничего нельзя было изменить. Оставалось только ждать неизбежного...

Солнце медленно опускалось за горизонт, заливая комнату янтарным светом. Кто-то вошёл в комнату. Я зажмурилась и задержала дыхание. Секунды тянулись, но никто не собирался забирать мою жизнь.

– Пойдём, – раздался рядом голос Никиты.

Я шумно выдохнула. Но кто это на самом деле? Или эти существа способны принимать облик любимого человека перед тем, как расправиться со своей жертвой?

Я почувствовала тёплое прикосновение ладони на своём плече.

– Алён, пойдём, – произнёс он.

Я заставила себя поднять голову. Рядом стоял он, на его лице застыл ужас.

– Пойдём, – снова попросил он, помогая встать с пола.

Колени затекли, и каждый шаг отдавался болью по всему телу. Металлический привкус во рту и головокружение го-

ворили о том, что я на грани...

На выходе из комнаты я оглянулась на кровать. Там осталась только жижа непонятного цвета, а скелет медленно рассыпался, падая прахом на неё. Его кости хрустели, как сухая листва под ногами, а пыль поднималась в воздух, оседая на простынях.

Он вывел меня во двор, придерживая за плечи. Мы сели на ступеньки крыльца. Тишина во дворе угнетала, давила на уши.

– Зачем ты пришёл? – прохрипела я, покачав головой.

– К тебе, – произнёс он.

– С чего такая честь, – я вытерла слёзы, которые катились сами собой по щекам, и отвернулась, глядя на заходящее солнце.

– Я не мог иначе, – его слова прозвучали приглушённо.

– После всего, что произошло... – всхлипнула я, продолжая вытирать слёзы с щёк. Глядя, как вечерний свет окрашивает пустынный двор в золотистые тона, – тебе стоило держаться подальше отсюда.

– Знаю, – согласился он. – Но я должен был увидеть тебя после всех безуспешных попыток связаться с тобой...

Я вопросительно посмотрела на него.

– Я пытался достучаться до тебя всеми способами... Однажды мне даже удалось дозвониться тебе домой. Но твоя мачеха сказала, что ты в депрессии и не хочешь ни с кем разговаривать. И попросила, пока ты не пришла в себя, оставить

тебя в покое, потому что это требование врача. Так и не позволила поговорить с тобой. – Он достал телефон и показал мне экран с десятками неотвеченных звонков.

– Не хочу разговаривать... – медленно повторила я за ним, переводя взгляд от экрана на свои дрожащие руки. Вспомнились все эти тяжёлые дни одиночества и кошмара в них. Я спрятала лицо в ладони и расплакалась, уже не сдерживая слёзы.

Никита осторожно обнял меня за плечи. Его рука была тёплой и надёжной.

– Я знаю, что тебе больно, – тихо произнёс он. – Но ты не одна.

Я вздрогнула от его прикосновения, но не отстранилась. В этот момент его тепло стало единственным, что удерживало меня от полного погружения в бездну безысходности.

– Тебе пора домой... – сквозь слёзы прошептала я. – А я всего лишь та самая девчонка, у которой не всё в порядке с головой! Уходи! – вывернулась я из его объятий и вскочила на ноги.

– Я без тебя никуда не уйду, – спокойно ответил он. – Я здесь, чтобы помочь.

– Как ты можешь помочь? – спросила я, глядя на него, но из-за слёз его образ казался нечётким. – Я буду ждать папу, – твёрдо заявила, сжав кулаки. – Он ещё не пришёл.

– Ты уверена, что он вернётся? – тихо спросил он.

– Вернётся, – затрясла я головой, не желая принимать дру-

гой вариант. В глубине души я понимала, что его больше нет, но признать это было выше моих сил. – Обязательно...

Ослабев от слёз, я рухнула на колени, слёзы покатались сильней.

– Мы должны принять реальность, – произнёс Никита, присаживаясь рядом со мной.

– Как? – всхлипнула я. – Как можно жить дальше, когда всё рушится?

Грудь сжимало от боли, дыхание становилось прерывистым, и каждый вдох давался с трудом. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

– Мы справимся вместе, – ответил он, обнимая меня. – Я не оставлю тебя одну в этом кошмаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.